
Каноническія опредѣленія брака и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго брака заключенія ¹⁾.

Нельзя отрицать того, что идеальное требованіе пожизненной неразрывности супружескаго союза далеко не въ надлежащей мѣрѣ было сознано до-христіанскою древностью и не вездѣ строго поддерживалось законодательными средствами даже въ послѣдующія времена. Самымъ грубымъ, но—справедливостью требуетъ добавить—и самымъ рѣдкимъ уклоненіемъ отъ него нужно признать дозволеніе временныхъ браковъ, возможное, конечно, только тамъ, гдѣ совершенно отсутствуетъ понятіе о бракѣ, какъ полномъ единеніи двухъ человѣческихъ личностей и ихъ жизненной судьбы ²⁾. Но и помимо этого исторически засвидѣтельствованныя представленія о прочности супружескаго союза нерѣдко могутъ показаться очень далекими отъ мысли о его нерасторжимости

---

¹⁾ Продолженіе. См. „Б. В.“ за текущій годъ, іюль-августъ, стр. 696 и д.

²⁾ Кромѣ нѣкоторыхъ полудикихъ восточныхъ племенъ, у которыхъ изслѣдователями отмѣчаются явленія этого порядка (см. проф. Стоянова—цит. соч., стр. 15), временные браки (mit'e) считаются дозволенными у одной изъ мусульманскихъ сектъ—шіитовъ. Такой бракъ можетъ быть заключенъ лишь съ обоюднаго согласія сторонъ, которыя должны быть „правовѣрными“ если не обѣ, то, по крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ—мужъ, которому дозволяется также взять за себя, въ качествѣ временной жены, еврейку или христіанку. Необходимо требуется, чтобы продолжительность устанавливаемаго отношенія была точно обозначена извѣстнымъ срокомъ времени или опредѣленнымъ числомъ тѣлесно-половыхъ актовъ; иначе бракъ mit'e превращается въ постоянный. По истеченіи условленнаго срока временная связь прекращается сама собою, такъ что при желаніи продолжить ее требуется новый контрактъ съ соблюденіемъ означенныхъ условій (N. v. Tornau, Das moslemische Recht, S. 80—81, Leipzig 1855).

Заботы законодателей до-христіанскаго міра въ урегулированіи брака съ разсматриваемой стороны обычно не шли дальше того, чтобы хоть нѣсколько ограничить полный произволъ въ дѣлѣ прекращенія супружествъ и поставить столь важный по своимъ послѣдствіямъ актъ въ извѣстныя рамки, предписываемыя требованіями общественнаго блага и нравственнаго чувства ¹⁾. Что касается, въ частности, римскаго права, нормы котораго представляютъ для насъ въ настоящемъ случаѣ ближайшій интересъ, то здѣсь принципъ абсолютной нерасторжимости брака былъ такъ же мало извѣстенъ, какъ и въ другихъ законодательствахъ древности ²⁾; а въ ту

¹⁾ См. замѣчанія по поводу бракоразводныхъ нормъ Монсеева законодательства у *проф. Лопухина* въ цит. соч., стр. 85—95; ср. *dr. A. Müller*, *Lexicon des Kirchenrechts und der römisch-katholischen Liturgie*, Bd. II, S. 459 (art. Ehe-Scheidung), Regensburg 1851.

²⁾ Отсутствие извѣстій о разводахъ у римлянъ въ древнѣйшую пору ихъ исторіи (самый ранній изъ извѣстныхъ доселѣ случаевъ, сообщаемый Валеріемъ Максимомъ, приурочивается изслѣдователями къ 447—450 году, *ab. u. c.*,—см. *проф. Казанцева* цит. соч., стр. 180—184) не можетъ служить возраженіемъ противъ сказаннаго, такъ какъ—самое большее—констатируетъ простой фактъ, а не юридическую норму; да и самый фактъ для своего полнаго объясненія требуетъ указанія не на одну только исключительную чистоту древне-римскихъ нравовъ (тамъ же, стр. 191—192), а и на строгость семейной дисциплины, не дававшей права женѣ предъявлять какую бы то ни было требовательность относительно властелина—мужа и позволявшей послѣднему, при нежеланіи удержать въ своей власти нелюбимую или виновную жену—рабу, расправиться съ ней самымъ суровымъ образомъ по личному произволу, едва-ли очень значительно ограничиваемому чрезъ *judicium domesticum*. Равнымъ образомъ, нельзя признать правильнымъ и того мнѣнія, по которому одиизъ древнѣйшихъ способовъ заключенія брака—*per confarreatioem* (о немъ подробнѣе—въ другомъ отдѣлѣ изслѣдованія) имѣлъ своимъ послѣдствіемъ абсолютную его нерасторжимость. Обычная при этомъ ссылка на бракъ фламива и фламивки не имѣетъ силы потому, что онъ считался нерасторжимымъ не вслѣдствіе своей конфарреационной формы, а въ силу особаго религіознаго значенія названныхъ жреческихъ лицъ (см. *Roszbach*, *o. c.*, S. 128—131), попытка же распространить эту точку зрѣнія и на всякій конфарреационный бракъ (*Marquardt*, *o. c.*, S. 70) отзывается уже явной натяжкой. Извѣстно, что у римлянъ существовалъ даже особый обрядъ—*diffarreatio*, посредствомъ котораго *inter virum et mulierem fiebat dissolutio* (*Festus s. h. v.*,—*Bruns*, *ed. cit.*, *pars poster.*, p. 7), при чемъ нѣтъ достаточныхъ основаній утверждать, что эта *dissolutio* во всѣхъ случаяхъ была лишь предварительной церемоніей предъ исполненіемъ смертной казни надъ женою по приговору семейнаго или публичнаго суда (см. цит. соч. *проф. Казанцева*, стр. 155—156).

эпоху, къ которой относится составленіе modestinовой формулы, по замѣчанію ученѣйшаго изслѣдователя, даже „ничто не было легче расторгнимо, чѣмъ бракъ“ ¹⁾). Не говоря о цѣломъ рядѣ законныхъ основаній, дававшихъ право каждому члену супружеской четы послать другому *hereditium* ²⁾), расторженіе брака могло состояться и безъ вся-

1) Zhisman, о. с., S. 96. Замѣчаніе это справедливо и въ примѣненіи къ болѣе раннему времени—конца республики и начала принципата, характеризуемой, какъ уже не разъ было замѣчено, крайнимъ упадкомъ семейныхъ нравовъ, когда, по словамъ *Сенки* (*De benef.* III, 16), свѣтскія женщины (*illustres feminae*) считали свои годы не по консуламъ, а по мужьямъ, разводилась—чтобы выйти замужъ и вступали въ бракъ—чтобы развестись. См. *проф. Загоровскаго*—цит. соч., стр. 52—56; *проф. Казанцева*—цит. соч., стр. 222—224.

2) Слово *hereditium* въ источникахъ римскаго права употребляется для обозначенія *односторонняго* отказа отъ продолженія брака (*проф. Дыдинскій*, *Латино-русскій словарь къ источникамъ римскаго права*, изд. 2-е, стр. 391—392, Варшава 1896), въ отличіе отъ *divortium*, имѣвшаго болѣе широкое употребленіе (см. слѣд. примѣч.). Въ древнѣйшую эпоху такой отказъ возможенъ былъ только со стороны мужа въ случаѣ допущенія женою одного изъ „постыдныхъ поступковъ“ (откуда, по объясненію древнихъ, произошло и самое названіе: *hereditium*, *quod fit ob rem pudendam*, *appellatum*,—*Festus* s. h. v.)—прелюбодѣвія, пьянства, поддѣлки ключей и т. п. (*проф. Казанцевъ*, цит. соч., стр. 171—172). Впослѣдствіи право требовать прекращенія брака получила и жена, а на ряду съ этимъ увеличилось и число законныхъ основаній для развода. Такими основаніями для современниковъ автора комментируемой бракоопредѣлительной формулы (II—III столѣтія христіанской эры) могли быть: а) *прелюбодѣвія*, понимаемое какъ нарушеніе супружескихъ правъ мужа неврностью жены, но не наоборотъ (подробнѣе объ этомъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ); б) всякія другія проявленія *безнравственности или преступныхъ наклонностей* (*morum perversitas*) въ сферѣ супружескихъ отношеній; в) неспособность къ осуществленію цѣли брака (понимаемаго какъ союзъ *liberorum quaerendorum causa*) вслѣдствіе безплодія, глубокой старости, физической болѣзни и сумасшествія, исключая тѣхъ случаевъ, когда у психически-больного бываютъ *lucida intervalla* и болѣзнь не является постояннымъ препятствіемъ къ супружескому сожителству; г) *взятіе въ плѣнъ одного изъ супруговъ*, когда не извѣстно, остается ли онъ въ живыхъ, и д) *сылка* (*deportatio*) или *изгнаніе* (*aquae et ignis interdictio*) одного изъ нихъ (*Wächter*, о. с., S. 158—159). Не трудно видѣть, что одиѣ изъ указанныхъ причинъ, каковы бы ни были сами по себѣ, не представляютъ, въ сущности, какого-либо проступка или преступления одного члена супружеской четы противъ личности другого, тогда какъ въ остальныхъ, наоборотъ, имѣетъ мѣсто элементъ сознательно и произвольно нанесенной обиды (ср. fr. 32 § 10 Dig. XXIV, 1). Об-

кихъ официально констатированныхъ причинъ, по простому обоюдному соглашенію сторонъ ¹⁾ и даже по желанію только одной изъ нихъ ²⁾. Но какъ ни внушительны только что указаннныя данныя, было бы все-таки, слишкомъ поспѣшно, на нашъ взглядъ, строить на нихъ рѣшительное заключеніе, что у римлянъ совсѣмъ „не было понятія о расторжимости брачныхъ узъ“ ³⁾ Даже тѣ ученые изслѣдователи, которые склоняются въ сторону подобнаго мнѣнія, не могутъ не признать дѣйствія оспариваемаго принципа въ указанную эпоху, по крайней мѣрѣ—постольку, поскольку

стоятельства перваго рода дѣлаютъ возможнымъ разводъ безъ какихъ бы то ни было невыгодныхъ послѣдствій для обѣихъ супруговъ; причины втораго рода обуславливаютъ разводъ *cum damno*, съ изв. имущественными невыгодами для виновной стороны (см. *Wächter*, о. с., S. 165—181; *М. Соколовъ*, О недействительности брака и разводъ по законамъ Царства Польскаго, стр. 20—23, М. 1873).

¹⁾ *Divortium ex consensu (communi consensu)*. Въ соотвѣтствіе своему буквальному смыслу (*vel a diversitate mentium, vel quia in diversas partes eunt, qui distrahunt matrimonium*,—fr. 2 pr. Dig. XXIV, 2; fr. 191 Dig. I, 16), слово *divortium* примѣнимо какъ къ обоюдному рѣшенію сторонъ расторгнуть супружескій союзъ, такъ и къ одностороннему отказу отъ его продолженія (напр., въ fr. 11 Dig. XXIV, 2; см. еще у *проф. Казанцева* цит. соч., стр. 138—139), и, слѣд., представляетъ въ сущности не противоположность (вопреки объясненію *проф. Дыдинскаго* l. с.), а скорѣе синонимъ, только съ болѣе широкимъ содержаніемъ, указанному въ предыд. примѣч. термину. Само собою понятно, что прекращеніе брака *communi consensu* должно быть отнесено къ случаямъ развода, не дающимъ мѣста *poenis legibus comprehensis*, о которыхъ упоминаетъ fr. 19 Dig. XLV, 1.

²⁾ Это—*repudium injustum*, по терминологіи позднѣйшихъ писателей (см. *Kein*, о. с., S. 454). Одностороннее расторгненіе брака безъ законныхъ основаній могло повлечь за собою имущественныя невыгоды для репудіента, подобно разводу *cum damno*; но законъ не давалъ и въ этомъ случаѣ другой сторонѣ права настаивать на продолженіи брака (*Fahrner*, I. Geschichte der Ehescheidung im canonischen Recht, Th. 1, S. 4, Freiburg im Breisgau 1903). Слѣдуетъ замѣтить еще, что въ соотвѣтствіи съ общими понятіями о широкомъ значеніи согласія носителей семейной власти для дѣйствительности брака подвластныхъ (къ чему мы еще должны будемъ вернуться впоследствии) допускалось и право расторгненія брака по волѣ третьихъ лицъ (право отца или его замѣстителя *filiam abducere*), хотя для этого и требовалась *magna et justa causa* (см. l. 5 Cod. V, 17; fr. 1 § 5 Dig. XLIII, 30). Только Діоклетіанъ устранилъ, наконецъ, это право третьихъ лицъ расторгать уже существующіе браки (*Fahrner*, о. с., S. 26).

³⁾ *Проф. Бердниковъ*, цит. зап. въ „Мнѣніяхъ и отзывахъ“, стр. 57.

бракъ въ *самый моментъ своего установленія* мыслится какъ союзъ, не допускающій никакихъ произвольныхъ соглашеній относительно его условной продолжительности ¹⁾, и это вполне подтверждается справками въ источникахъ. Не только сами брачующіеся или тѣ, кто „соглашались“ отъ ихъ имени (если они—*personae alieni juris*), не въ правѣ были намѣтить какого-либо срока или не предусмотрѣнныхъ закономъ обстоятельствъ, наступленіе которыхъ должно расторгнуть устанавливаемую связь, но даже и со стороны третьихъ лицъ предоставленіе выгодъ одному изъ супруговъ подъ условіемъ: *si divorsetur*—признавалось несогласнымъ съ требованіями нравственности (*contra bonos mores*) и потому не имѣющимъ силы въ той своей части, которою предъявляется незаконное требованіе ²⁾. Правда, наряду съ этимъ императорское законодательство языческой эпохи заботливо ограждаетъ возможность безпрепятственнаго прекращенія брака въ тѣхъ случаяхъ, когда дальнѣйшее существованіе его *de jure* могло бы быть достигнуто лишь цѣною насилія надъ чувствомъ и волею одного или обоихъ супруговъ. Оно объявляетъ, поэтому, недѣйствительными всѣ простые договоры и стипуляціи при заключеніи брака, заранѣе исключаяція разводъ подъ угрозою штрафа ³⁾. Но не трудно убѣдиться, что недопущеніе *принудительной* нерасторжимости брачныхъ отношеній само по себѣ еще не есть бесспорное доказательство равнодушія законодателя къ прочности супружескаго союза. Не много нужно наблюдательности и умственныхъ усилій

1) *Zhishman*, о. с., S. 96.

2) Одно изъ императорскихъ постановленій еще языческаго періода, предусматривая случай оставленія матерью наслѣдства своей дочери подъ условіемъ расторгненія ею, очевидно, почему-то непріятнаго для наслѣдодательницы брака, признаетъ это условіе не имѣющимъ обязательной силы, а дочь, за выполненіе его въ угоду матери, объявляетъ достойной порицанія еще въ большей степени, чѣмъ завѣщательница (*reprehendenda tu magis es, quam mater tua*). *Проф. Азаревичъ*, Брачные элементы, стр. 80—81.

3) *Libera matrimonia esse antiquitus placuit*,—читаемъ мы въ постановленіи имп. Александра Севера отъ 223 г.: *ideoque pacta, ne liceret divertere, non valere, et stipulationes, quibus poenae inrogarentur ei, qui divortium fecisset, ratas non haberi constat* (l. 2 *Cod. VIII, 38*; *сн. fr. 134 Dig. XLV, 1* и вышеуказ. *fr. 19 h. t.*, въ поясненіе къ которому см. *Rein'a* о. с., S. 454).

для усвоенія той простой истины, что полнота и неразрывность жизнеобщенія въ названномъ союзѣ, признаваемая за идеаль нравственнымъ сознаніемъ, не менѣ важны и съ точки зрѣнія общественно-политическихъ интересовъ, на стражѣ которыхъ стоитъ положительное право. Послѣднее не можетъ, однако, ставить своею задачею—насилъственно проводить въ жизнь этотъ идеаль съ доктринерскою прямолинейностью, закрывая глаза на тѣ, всегда возможныя въ дѣйствительности, обстоятельства, которыя способны нарушить нормальный строй семьи и создать разрывъ и рознь на мѣстѣ былого единенія. Поступать иначе значило бы сознательно приносить внутреннюю сущность человѣческихъ отношеній въ жертву внѣшней формѣ, такъ какъ самое требованіе пожизненной нерасторжимости брака имѣетъ свое главное основаніе и оправданіе именно въ томъ, что нормальный супружескій союзъ *по своему этическому содержанию* есть *consortium omnis vitae*. Ясно, что тамъ, гдѣ этого содержанія уже нѣтъ на лицо, отпадаетъ и нравственно-психологическая необходимость упомянутаго требованія, принудительная поддержка котораго можетъ быть оправдана затѣмъ лишь соображеніями чисто-практическаго характера. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что соображенія того же порядка способны направлять мысль и въ противоположную сторону—къ признанію бесполезности въ однихъ случаяхъ и опасности въ другихъ насилъственно закрѣпощать человѣческую личность. Вотъ почему законодательная власть, при полномъ уваженіи къ нравственному достоинству супружескаго союза и самомъ искреннемъ желаніи оградить его прочность, оказывается обыкновенно вынужденной допустить, во избѣжаніе большихъ золъ, опредѣленный кругъ законныхъ основаній для развода ¹⁾. Но, устанавливая эти основанія, она предусматриваетъ фактическіе поводы къ примѣненію ихъ точно такъ же, какъ и всякое другое отклоненіе

¹⁾ Въ качествѣ подтвержденія сказаннаго можемъ сослаться на законодательную мотивировку такихъ основаній въ l. 8 § 1 Cod. V, 17 (констит. имп. Феодосія II, изд. въ 449 г.): *sicut enim sine justa causa dissolvi matrimonia justo limite prohibemus, ita adversa necessitate pressum vel pressam, quamvis infausto, attamen necessario auxilio cupimus liberari*. Ср. вступит. разсужденія къ Nov. CXL (имп. Юстиня), изд. въ 566 г. въ отъѣзду запрещенія разводовъ *ex communi consensu*.

отъ нормы, которое не превращаетъ въ частный случай того, что должно быть признано общимъ правиломъ. Мы готовы пойдти еще дальше— и сказать, что даже безпрепятственность разводовъ *ex consensu* не можетъ считаться рѣшающимъ аргументомъ въ вопросѣ о томъ, признается ли въ данной правовой системѣ, какъ принципъ, идея брачной нерасторжимости. Не будемъ отрицать того, что на практикѣ полная свобода расторженія юридическихъ узъ брака обычно ведетъ къ громаднымъ злоупотребленіямъ, какъ это было, между прочимъ, и въ римской имперіи ¹⁾; но было бы дѣтскою наивностью заключать отсюда о легкомысленномъ пренебреженіи органовъ законодательства къ твердости семейныхъ основъ. Предоставленіе права самимъ заинтересованнымъ лицамъ по обоюдному рѣшенію порывать самую интимную изъ человѣческихъ связей означаетъ не болѣе того, что общественная власть не беретъ на свою отвѣтственность исчерпывающее опредѣленіе случаевъ, когда принудительная охрана одной только оболочки супружества не можетъ быть признана разумной и цѣлесообразной. При этомъ само собою предполагается, что тѣ, кто ранѣе изъявили не вынужденное согласіе на *consortium omnis vitae*, серьезнѣе другихъ способны взвѣсить мотивы противоположнаго рѣшенія,— и не вина законодателя, когда дѣйствительность не оправдываетъ этихъ его расчетовъ. Если и возможенъ упрекъ по его адресу, то никакъ не за отсутствіе уваженія къ нравственному достоинству брака, а развѣ за излишнее довѣріе къ той общественной средѣ, для которой предназначаетъ онъ свою либеральную норму.

Гораздо яснѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ въ моральныхъ и юридическихъ доктринахъ до-христіанскаго міра, идея принципиальной нерасторжимости супружества выражена и осуществлена въ христіанствѣ, соотвѣтственно его болѣе возвышенному пониманію нравственной природы брака. Въ ученіи самого Христа неразрывная прочность супружескаго союза является прямымъ слѣдствіемъ того внутренняго объединенія двухъ человѣческихъ личностей, основа котораго заложена въ творческомъ актѣ созданія первой брачной

1) См. цит. соч. проф. Загоревскаго, стр. 52—56.

четы: „что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ“¹⁾. Однако, и здѣсь, при должномъ вниманіи къ тексту и духу евангельскихъ наставленій, нельзя найти мысли о безусловной и принудительной нерасторжимости брачныхъ узъ: достаточно напомнить, что указаніе на допустимость прекращенія брака *ἐπι πορείᾳ* слѣдуетъ въ евангельскомъ разсказѣ почти непосредственно за вышеприведеннымъ изреченіемъ²⁾,

1) Матѳ. XIX, 4—6 (ср. Марк. X, 6—9). Изъясняя слова Господа, напоминающія указанный моментъ и первоначальный законъ брака, изреченный Богомъ чрезъ Адама (Быт. 11, 24), *св. I. Златоустъ* замѣчаетъ: „итакъ, какъ образомъ творенія, такъ и опредѣленіемъ закона Иисусъ Христосъ показалъ, что мужъ съ женою должны соединиться *навсегда* и *никогда* не разлучаться... Изложивъ древній законъ, дѣломъ и словомъ установленный, и доказавъ его достовѣрность тѣмъ, Кто создалъ его, Онъ со властію далѣе изъясняетъ его и усиливаетъ словами: *сего ради кому нѣста два, но плоть едина*. Слѣдовательно, какъ разсѣкать плоть есть дѣло преступное, такъ и разлучаться съ женою—дѣло беззаконное. И на этомъ еще не остановился, но въ подтвержденіе указалъ на Бога говоря: *еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ*. Этими словами Онъ показываетъ, что разводиться—противно какъ природѣ, такъ и закону: природѣ, поскольку разсѣкается одна и та же плоть; закону, поскольку человекъ покушается раздѣлить то, что Богъ соединилъ и не велѣлъ раздѣлять“ (Homil. LXII in Matth., с. 1—2, —*Migne*, Patr. gr. t. LVIII, col. 597; р. перев. въ цит. изд. твореній Златоуста, т. VII, кн. 2, стр. 635. Ср. *св. Астерія амас.* Homil. in Matth. XIX, 3—у *Migne*, Patr. gr. t. XL, col. 229; цит. р. перев. стр. 385).

2) Матѳ. XIX, 9; ср. другое мѣсто у того же евангелиста—V, 32—гдѣ общее замѣчаніе о недозволительности развода соединено съ аналогичною оговоркою: *παρεχτός λόγος πορείας*. Чрезвычайная важность этихъ евангельскихъ свидѣтельствъ для уясненія канонической догмы по затронутому здѣсь вопросу заставляетъ противниковъ какихъ бы то ни было изъятій изъ общаго принципа нерасторжимости христіанскаго брака изыскивать способъ отдѣлаться такъ или иначе отъ вышеуказаннаго ограниченія. Въ этихъ дѣлахъ обычно съ особенною настойчивостью обращаютъ вниманіе на то обстоятельство, что и у евангелистовъ Марка (X, 11—12) и Луки (XVI, 18), передающихъ ученіе Христа о разводѣ, воспрещеніе послѣдняго изложено безъ той оговорки, съ какою оно является въ евангеліи Матѳея. Нѣтъ надобности, однако, доказывать, что это сопоставленіе само по себѣ отнюдь не уполномочиваетъ на отрицательные выводы по отношенію къ свидѣтельству перваго евангелиста, доколѣ не заподозрѣна его текстуальная подлинность; а въ данномъ случаѣ этотъ послѣдній, самый легкій приемъ доказательства предвзятой мысли былъ бы и самымъ легкомысленнымъ, какъ не имѣющій для себя опоры въ критикѣ евангельскаго текста. Не болѣе удачной слѣдуетъ признать и попытку нѣкоторыхъ католическихъ экзегетовъ, повторенную однимъ русскимъ юристомъ (*проф. Загоровскимъ*, — см. его цит. соч.,

ослабляя категоричность содержащагося въ немъ нравственнаго требованія ¹⁾. То же самое нужно сказать и по поводу

стр. 37—39), примирить кажущееся несогласіе евангелистовъ допущеніемъ нѣкоторой двойственности въ способѣ раскрытія ученія о разводѣ самимъ Христомъ въ зависимости отъ того, возвѣщаль ли Онъ чистый принципъ, имѣющій стать основнымъ и неизмѣннымъ закономъ жизни для Его вѣрныхъ послѣдователей, или же давалъ лишь *приспособительныя* наставленія своимъ ближайшимъ слушателямъ изъ іудеевъ, свисходя къ ихъ извѣстному „жестокосердію“. Допустимость такого объясненія въ корнѣ подрывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Мате. XIX, 3—9 ученіе Христа какъ разъ противоположается тому направленію въ рѣшеніи вопроса о разводѣ какое было принято моисеевымъ законодательствомъ и позднѣйшей житейской практикой, извратившей изначальный Божій законъ; призваніе же и Мате. V, 32 за частную и переходящую заповѣдь заставило бы понимать такимъ образомъ и все другія наставленія нагорной бесѣды, что—по энергичному, но справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ современныхъ ученыхъ экзегетовъ—было бы „воищюю нелѣпостью“ (*проф. Н. Н. Глубоковскій*, Разводъ по прелюбодѣянью и его послѣдствія по ученію Христа Спасителя, стр. 12, СПб. 1895; см. вообще, въ дополненіе къ вышесказанному, стр. 1—12 и 58—59). Послѣ этого нѣтъ уже надобности останавливаться на такомъ праядномъ измышленіи, какъ дальнѣйшая догадка г. Загоровскаго (тоже, въ сущности не оригинальная), будто различіе въ передачѣ изреченій Христа евангелистами обусловливалось аналогичною цѣлью приспособленія одного изъ нихъ (св. Матѳея), писавшаго для христіанъ изъ евреевъ, къ ихъ унаслѣдованнымъ отъ родной среды, привычнымъ взглядамъ и навыкамъ, тогда какъ двое другихъ писали для христіанъ изъ язычниковъ, свободныхъ отъ іудейскихъ заблужденій и предрассудковъ,—какъ будто этихъ послѣднихъ въ отношеніи къ данному вопросу у язычниковъ было меньше, чѣмъ у послѣдователей моисеева закона (ср. *проф. Суворова*—разборъ цит. соч. г. Загоровскаго въ Отчетѣ о 29-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 331—332, СИБ. 1888).

¹⁾ Защитники абсолютной нерасторжимости брака, не имѣя средствъ устранить нежелательное для нихъ ограниченіе, содержащееся въ словахъ Христа, пытаются перетолковать ихъ такимъ образомъ, чтобы отнять у поименованнаго здѣсь обстоятельства (*παρρησία*) значеніе причины, дѣйствительно расторгающей законно существующій бракъ. Опираясь на томъ, что слово *παρρησία* обозначаетъ собственно *любовѣяніе* или *блудъ*, т. е. внѣбрачную связь женатаго или неженатаго съ незамужней женщиной, въ противоположность *μοιχεία*—*прелюбодѣянью* въ смыслѣ нарушенія жевою супружеской вѣрности въ отношеніи къ мужу, нѣкоторые изъ западныхъ богослововъ и канонистовъ (*Döllinger*, Christentum und Kirche in der Zeit der Grundlegung, S. 390—400, 461—467; *Walter*, Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen, S. 713, Bonn 1871; *H. M. Luckock*, The history of Marriage jewish and christian in relation to divorce and certain forbidden degrees, p. 58 — 63, London 1894, и др.) пытаются

словъ ап. Павла, повелѣвающаго „женѣ не разводиться съ мужемъ“ и „мужу не оставлять жены своей“ (1 Кор. VII, 10—11): общая заповѣдь о нерасторжимости брака непосред-

доказать, что въ двухъ вышеуказанныхъ мѣстахъ св. Маттея имѣется въ виду—въ соотвѣтствіи съ той средой и тѣми лицами, къ которымъ обращена была рѣчь—строго каравшійся въ моисеевомъ правѣ случай добрачной потери невинности дѣвицею, вступившей въ связь съ постороннимъ лицомъ (не своимъ будущимъ мужемъ). Заключенный при такихъ обстоятельствахъ бракъ считался не состоявшимся, и въ отношеніи къ нему рѣчь могла быть не о разводѣ въ точномъ значеніи этого слова, а лишь о признаніи брака *недѣйствительнымъ* что, конечно, не стоитъ ни въ какомъ противорѣчьи съ идеей брачной нерасторжимости. При всей своей кажущейся основательности, соображеніе это не можетъ, однако, быть признано твердымъ, такъ какъ безусловно недопустимо, по самымъ элементарнымъ требованіямъ экзегетики, примѣнять къ нравственнымъ наставленіямъ Христа приемы юридическаго комментарія; въ обычномъ же словоупотребленіи смыслъ слова *porneia* „не специализировался настолько, чтобы о содержаніи его не могло быть споровъ“ (*проф. Глубоковскій*, цит. соч., стр. 12), а сопоставленіе нѣкоторыхъ библейскихъ мѣстъ, гдѣ встрѣчается тотъ или другой изъ вышеупомянутыхъ терминовъ (особ. *porneia* въ 1 Кор. V, 1 о связи сына съ „женою отца“ и *μοιχεία* въ Матѣ. V, 28—о похотливомъ взглядѣ на „жену“, безъ возможности предположенія, что рѣчь идетъ только о замужней), убѣждаетъ въ томъ, что „новозавѣтный языкъ не выдерживаетъ съ скрупулезною неуклонностью индивидуальныхъ отгѣнковъ“ этихъ словъ, почему „на этой почвѣ и нельзя создать ничего прочнаго“ (тамъ же, стр. 63). Болѣе надежную почву даетъ евангельскій рассказъ о ближайшемъ поводѣ, по которому произнесено Христомъ изреченіе, записанное въ Матѣ. XIX, 9: вопросъ фарисеевъ о томъ, позволительно ли мужу отпускать жену „по всякой винѣ“, совсѣмъ не оправдываетъ предположенія, что рѣчь идетъ не объ условіяхъ расторгенія законно установленнаго брачнаго союза, а объ основаніяхъ для признанія его недѣйствительнымъ, лежащихъ внѣ сферы супружескаго жизнеобщенія. Знамательно и то, что изъ патристическихъ писателей ни одинъ не высказывается въ направленіи, благоприятномъ разсматриваемому толкованію. Не находятъ оцѣ сторонниковъ для себя и въ большинствѣ католическихъ ученыхъ, признающихъ, вмѣстѣ съ православными, что евангельскія изреченія Матѣ. V, 32 и XIX, 9 имѣютъ въ виду, говоря о *porneia*, супружескую невѣрность жены мужу въ плотскомъ общеніи ея съ другимъ. Конфессіональная доктрина абсолютной нерасторжимости брака, казалось бы, при этомъ теряетъ подъ собою послѣднюю опору; но для нея изыскивается новый и, какъ увидимъ далѣе, столь же ненадежный путь спасенія—въ принудительномъ требованіи безбрачїи отъ обѣихъ расходящихся сторонъ, чего—по признанію самихъ католическихъ богослововъ—прямо не дано въ словахъ Христа примѣнительно къ случаю прекращенія брачной связи *ἐπι πορνείας* (см. напр., *Fritsen's u. o. c.*, S. 770).

ственно затѣмъ (ст. 12—15) пополняется указаніемъ на случаи, когда, на почвѣ различія религіозныхъ вѣрованій мужа и жены, для „вѣрнаго“ члена супружеской четы открывается возможность считать себя не связаннымъ впредь брачными узами съ супругомъ „невѣрнымъ“ (*ἀπιστος*), т. е. не-христианиномъ ¹⁾). Намѣчаемая этими сопоставленіями комбинація идеальнаго взгляда на бракъ, какъ неразрывный союзъ, съ необходимостью уступокъ человѣческому несовершенству неизбѣжно должна была стать руководящимъ образцомъ и для сужденій по этому вопросу въ произведеніяхъ древне-христианскихъ писателей. Разумѣется, здѣсь нѣтъ недостатка

¹⁾ Что рѣчь идетъ въ этомъ случаѣ не о простомъ разлученіи супруговъ, а о разводѣ (какъ и понимаетъ *χωρίζεται* и *χωρίζεσθαι* 15-го стиха русскій синод. переводъ),—ясно обнаруживается изъ самаго контекста рѣчи. Апостолъ внушаетъ обратившемуся въ христіанство супругу не оставлять лица, связаннаго съ нимъ брачными узами и остающагося „невѣрнымъ“, если только со стороны послѣдняго не заявлено нежеланіи продолжать супружеское сожителство; если же „невѣрный“ супругъ „отдѣляется“, то „отдѣлиться“ становится дозволеннымъ и для „вѣрующаго“. Но такое дозволеніе было бы по меньшей мѣрѣ излишнимъ, если бы рѣчь шла только о прекращеніи фактическаго сожителства разновѣрныхъ супруговъ или даже о разрывѣ юридической связи между ними, не касаясь оцѣнки этого факта съ точки зрѣнія чисто-христианскихъ понятій о предѣлахъ и условіяхъ расторгимости брака, такъ какъ, при допускаемой тогдашнимъ законодательствомъ легкости одностороннихъ разводовъ, вопросъ могъ быть рѣшенъ „невѣрной“ стороной въ желательномъ для нея смыслѣ помимо согласія или несогласія на это супруга-христианина. Замѣчаніе апостола, что въ указанномъ случаѣ „братъ“, или „сестра“ получаетъ свободу (*οὐ δεδούλωται*), можетъ, слѣдовательно, имѣть только тотъ смыслъ, что пренебрегаемый „невѣрнымъ“ супругомъ брачный союзъ не долженъ связывать христіанской совѣсти „вѣрнаго“, который вправѣ жениться или выйдти замужъ вновь, „точію о Господѣ“ (ср. тамъ же, ст. 39). Такъ именно и понято данное наставленіе апостола вселенско-православною церковью при установленіи нормъ ея бракоразводнаго права (см. 72 пр. трул. соб. съ толков. на него Вальсамова въ *Сѣв. II*, 473; р. перев. въ изд. Общ. Люб. Дух. Просв., стр. 678). Нужно добавить къ этому, что уже христіанская древность не считала невозможнымъ представить инициативу расторженія брака, ставшаго „смѣшаннымъ“ чрезъ обращеніе одной изъ сторонъ къ христіанству, и „вѣрующему“ супругу въ тѣхъ случаяхъ, когда продолженіе супружества, не общая предполагаемыхъ апостоломъ (ст. 16) благихъ послѣдствій, способно было, напротивъ, внушить опасенія за прочность и чистоту вѣры новообращеннаго, или когда оно являлось для послѣдняго источникомъ тяжкихъ обидъ и притѣсненій (*Zhishman*, о. с., S. 756; *проф. Загоровскій*, цит. соч., стр. 129).

въ увѣщаніяхъ къ сохраненію цѣлости супружескаго союза ¹⁾, при чемъ, кромѣ ссылки на основоположительное ветхозавѣтное изреченіе и его подтвержденіе въ евангелии, выставлялся и рядъ другихъ основаній противъ произвольнаго расторгенія людьми того, что сочеталъ Богъ ²⁾. Но само

1) Слѣдуетъ замѣтить, что въ патристической литературѣ вообще гораздо легче подбирать мѣста, говоряція о принципиальной нерасторжимости брака, чѣмъ такія, гдѣ обосновывается дозволительность прекращенія его въ изв. случаяхъ. Чтобы правильно судить объ этой чертѣ и не придать ей преувеличеннаго значенія, необходимо имѣть въ виду, съ одной стороны, уже извѣстную намъ строгость идеалистическаго воззрѣнія нѣкоторыхъ изъ древнихъ христіанъ на бракъ, какъ союзъ, не прекращаемый даже смертью одного изъ супруговъ (см. „Б. В.“, февр., стр. 284), съ другой—особыя, тоже отмѣченныя раньше, обстоятельства того времени (нр. распущенность окружающей языческой среды съ ея развращающими примѣрами, легкость разводовъ по дѣйствующему гражданскому законодательству и т. п.), заставлявшія вождей христіанской мысли и жизни больше заботиться объ укрѣпленіи чистыхъ основъ семейной жизни, чѣмъ оправдывать и обосновывать тѣ или другіе поводы къ ея нарушенію. Въ силу этихъ же обстоятельствъ и церковная власть должна была преимущественно сосредоточивать свое вниманіе на поддержаніи строгой христіанской дисциплины, а не на перечисленіи возможныхъ изыятій изъ ея требованій. См. проф. Глубоковскаго, цит. соч., стр. 39—40.

2) Такъ, св. Амвросій медіол. въ Expos. evang. sec. Luc. c. 8, возражая противъ злоупотребленія широкою свободою развода по „человѣческимъ законамъ“, противопоставляетъ ей не только положительное требованіе закона Божія, но и голосъ естественнаго чувства: *dimittis ergo uxorem quasi jure, sine crimine, et putas id tibi licere, quia lex humana non prohibet; sed divina prohibet. Audi legem Domini, cui obsequuntur etiam qui legem ferunt: quae Deus conjunxit, homo non separet. Sed non solum hoc caeleste praeceptum, sed quoddam etiam opus Dei solvitur. Paterisne, oro, liberos tuos, vivente te, esse sub vitricio; aut, incolumi matre, degere sub noverca? Pone, si repudiata non nubat: et haec viro tibi debuit displicere, cui adultero fidem servat? Pone, si nubat: necessitatis illius tuum crimen est* (*Migne*, Patr. lat. t. XIII, col. 1767: ср. св. Астерія амас. цит. бес. на Матв. XIX, 3—у *Migne*, Patr. gr. t. XL, col. 233—237, р. пер. стр. 385—392, и др.). Не осталась безъ послѣдствій для закрѣпленія и углубленія въ сознаніи древнихъ христіанъ идеи брачной нерасторжимости и неоднократно упомянутая выше апостольская параллель естественнаго союза мужа и жены съ благодатнымъ союзомъ Христа и церкви. По воззрѣнію блж. Августина, напр., самая сущность (res) аналогіи между ними въ томъ именно и состоитъ, что—соотвѣтственно своему священному образу—*mas et femina, connubio copulati, quamdiu vivunt, inseparabiliter perseverant* (*De nupt. et concup.* l. I, c. 10,—*Migne*, Patr. lat. t. XLIV, col. 419; *ego же*—*De bono conjug.* c. 7, — *ibid.*, t. XL, col. 368, и др.). См. *Fahrner* o. c., S. 39—40.

собою понятно, что настойчивость этихъ увѣщаній не могла переступить извѣстныхъ границъ, указанныхъ писаніемъ; и если примѣръ апостольской снисходительности (1 Кор. VII, 15) не налагалъ непремѣннаго обязательства слѣдовать ему ¹⁾, то наставленія самого Христа (Матѣ. XIX, 9 и V, 32) должны были сохранять весь свой непререкаемый авторитетъ для Его послѣдователей. Самыя строгія требованія представителей церковной мысли относительно прочности супружескаго союза не шли, поэтому, далѣе того положенія, что бракъ, естественно прекращаемый *смертью* одного изъ супруговъ ¹⁾, можетъ быть законно расторгнуть лишь по винѣ *прелюбодѣянія* ³⁾. Послѣднее, конечно, имѣлось при этомъ въ виду, прежде всего, въ своемъ прямомъ и буквальномъ значеніи, охватывавшемъ, впрочемъ, въ пониманіи христіанъ болѣе широкій кругъ нарушеній супружеской вѣрности сравнительно съ тѣмъ, что разумѣлось подъ *adulterium* въ тогдашнемъ гражданскомъ законодательствѣ: не только плотская связь *жены* со всякимъ постороннимъ мужчиной, но и связь мужа со *всякой* посторонней женщиной признавалась оскорбленіемъ чистоты и святости супружескаго союза ⁴⁾, способнымъ оказать

1) Свои вышеизложенныя (стр. 99) указанія относительно „смѣшанныхъ“ браковъ ап. Павелъ предваряетъ замѣчаніемъ, что это говоритъ самъ онъ, а не Господь (1 Кор. VII, 12), что и могло давать поводъ не принимать во вниманіе допускаемаго имъ изъятія изъ общаго требованія верасторжимости—въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлось въ виду точно формулировать положительное *jus divinum* по вопросу о разводѣ. Возможно и другое предположеніе,—именно, что разновѣріе супруговъ (въ особенности, если оно было слѣдствіемъ отпаденія одного изъ нихъ отъ христіанства) подводилось подъ понятіе „прелюбодѣянія“, чему примѣры и доказательства будутъ указаны иже.

2) Римл. VII, 2—3; 1 Кор. VII, 39; 1 Тим. V, 14; ср. юстин. Nov. XXII, с. 20: τὸ δὲ ἐφεξῆς τῶν γάμων τέλος ὁ πάντα ὁμοίως διαλύων ἐκδέχεται θάνατος.

3) *Γάμος θανάτω μόνῳ καὶ μοιχείᾳ διακόπτεται* (св. Астерій *ама.*, Nom. in Matth. XIX, 3—*Migne, Patr. gr., t. XL, col. 227; р. перев. стр. 386*). Замѣчанія церковныхъ писателей о дозволенности прекращенія брака по второму изъ указанныхъ оснований, съ ограниченіемъ всякихъ другихъ поводовъ къ разводу, настолько обычны и многочисленны, что нѣтъ ни возможности, ни нужды перечислять ихъ въ настоящемъ случаѣ.

4) Принципіальный христіанскій взглядъ на этотъ предметъ ясно формулированъ въ замѣчаніи св. *Василія В.*, что „господне изреченіе, яко не позволительно разрѣшатся отъ брака развѣ словесе прелюбодѣйна, яко разуму онаго равно приличествуетъ и мужамъ и женамъ“ (*ἐξ ἴσου*

разрушительное дѣйствіе на его внутреннюю прочность и

καὶ ἀνδράσι καὶ γυναῖσιν ἁρμόζει,—пр. 9), т. е. нарушение супружеской вѣрности съ той или другой стороны представляетъ одинаковую вину, которая должна сопровождаться и одинаковыми послѣдствіями. Между тѣмъ, всѣ древнія законодательства (не исключая и моисеева), не признававшія вообще равноправной женскую личность, возлагали долгъ супружеской вѣрности только на жену, не усвоивъ ей соотнслительнаго права (*jus tori*), тогда какъ мужъ обладалъ этимъ правомъ, не неся соотвѣтствующей обязанности; оттого и нарушением послѣдней (*μοιχεία*, *adulterium*) признавалась лишь связь *замужней* женщины съ постороннимъ, холостымъ или женатымъ, мужчиной (*Wächter*, о. с., S. 101). Такая связь, каравшаяся у евреевъ смертною казнью (Лев. XX, 10; Второз. XXII, 22), считалась и по римскимъ законамъ уголовнымъ преступленіемъ, навлекавшимъ на невѣрную жену, кромѣ денежнаго штрафа и ссылки *in insulam* (*Pauli Sent.* II, 26, 14—въ цит. изд. *A. Schultingii* p. 321), утрату *добраго имени* (*infamia*,—fr. 43 § 12 *Dig.* XLVIII, 5), послѣ чего она не только не могла возстановить прежняго брака (fr. 33 § 1 *ad f. Dig.* h. t.), но и вступить въ новый съ третьимъ лицомъ (fr. 29 § 1 *Dig.* h. t.; cf. fr. 26 *Dig.* XXIII, 2), особенно—съ соучастникомъ своего прелюбодѣвія (fr. 13 *Dig.* XXIV, 9). Иначе оцѣнивалась связь мужа съ посторонней, незамужней или замужней, женщиной: въ первомъ случаѣ его дѣяніе квалифицировалось лишь какъ нравственно-предосудительный поступокъ (*stuprum*), подлежащій *judicio torum*, которое могло и не признать за женою права послать мужу *repudium*; во второмъ виновнаго, дѣйствительно, постигало почти то же самое уголовное наказаніе, какъ и прелюбодѣйку, но—за вину не передъ собственной женою, а передъ мужемъ той женщины, съ которою вступилъ онъ въ преступную связь. Такія понятія, поддерживаемыя вѣковой привычкою, не остались совсѣмъ чуждыми и христіанской средѣ, въ которой тотъ же св. Василій В. (въ цит. правилѣ; ср. его же пр. 21) отмѣчаетъ дѣйствіе „обычая“, согласнаго въ основномъ взглядѣ на прелюбодѣвіе съ вышеизложенными нормами римскаго права. Законодательство христіанскихъ императоровъ, съ своей стороны, не сразу порвало въ этомъ пунктѣ съ правовой традиціей до-христіанскихъ временъ, признавъ, при томъ, лишь съ большими ограниченіями (юстин. *Nov.* CXVII, с. 9, § 5) и не безъ колебаній (*Eclog.* t. II, с. 13,—по изд. *Zachariae* p. 21) право жены обвинять мужа въ прелюбодѣвіи и требовать по этой причинѣ расторгенія брачныхъ узъ (*Proch.* t. XI, с. 18,—цит. изд. p. 80; *Epanag.* t. XXI, с. 6,—въ изд. *Zachariae* p. 141—142). Разумѣется, такая неравномѣрность въ моральной и юридической оцѣнкѣ одного и того же дѣявія въ зависимости отъ того, допущено ли оно мужемъ или женою, не могла встрѣчать сочувствія въ представителяхъ христіанской мысли, находившихъ „смѣшными“ и неосновательными обычая указавія на то, что „мужья, если сблизаются и съ многими женщинами, не наносятъ дому никакого вреда, а жены, когда грѣшатъ, вводятъ чужихъ наслѣдниковъ въ дома и семейства“. „Хитроумные изобрѣтатели такого глупаго мнѣвія—говоритъ св. Астерій

устойчивость ¹⁾. Прекращеніе внѣшней „общности жизни“ въ томъ и другомъ случаѣ представлялось, поэтому, не только

амас. въ цит. бесѣдѣ—пусть выслушаютъ, что и сами они разрушаютъ чужіе дома и семейства, такъ какъ женщины, съ которыми они вступаютъ въ связь, конечно, или дочери, или супруги чьи-нибудь. И во всякомъ случаѣ окажется, что или бракъ безчестится, или наносится обида отцу, который родилъ и воспиталъ (свою дочь) и надѣялся ввести ее дѣвою въ брачный чертогъ, но этими похитителями цѣломудрія лишень всей доброй надежды. Если распутникъ самъ есть отецъ, то пусть познаетъ скорбь несчастнаго отца; если супругъ, пусть вообразить себя такимъ же образомъ оскорбленнымъ: вѣдь тогда только дѣло обстоитъ хорошо, когда каждый судить о чужомъ такъ, какъ желалъ бы, чтобы и другой о немъ судилъ* (*Migne, Patr. gr. t. XL, col. 237; p. перев., стр. 294—295*). Не менѣе энергично протестуетъ противъ „несправедливаго и нелѣпаго закона“ (*νόμος ἄνισος καὶ ἀνώμαλος*) св. Григорій назіанз. (Homil. XXXVII, с. 6,—*Migne, Patr. gr. t. XXXVI, col. 289*) и цѣлый рядъ другихъ церковныхъ писателей, настаивая на одинаковой обязательности для мужа, какъ и для жены, вѣрности супружескому долгу (*Лактанцій, Divin. instit. l. VI, с. 23,—Migne, Patr. lat. t. VI, col. 719; св. Амеросій медіол. De Abrah. 1, с. 25,—Migne, Patr. lat. t. XIV, col. 431; бл. Геронимъ. Ep. XXX ad Ocean.—Migne, Patr. lat. t. XXII, col. 691; бл. Августинъ, De purt. et concup. 1, с. 10,—Migne, Patr. lat. t. XLIV, col. 420*) и напоминая, что не по „внѣшнимъ“, а „для насъ положеннымъ“ закономъ будетъ судить насъ Богъ (*св. I. Златоустъ, Laus Maximi,—Migne, Patr. gr. t. LII, col. 226*). Положительное право церкви не могло, конечно, не мириться, до изв. степени, съ неизбежными послѣдствіями общераспространенности указаннаго односторонняго понятія о прелюбодѣяннн, поддерживаемаго закономъ и обычаемъ (см. вышеуказ. пр. св. Василія В.); но „строжайше изслѣдовавшими сей предметъ“ (св. Григорія иисск. пр. 4) уже издавна и въ области церковной дисциплины проводилась мысль, ставшая въ концѣ концовъ общепризнанной, что не только жена, нарушающая вѣрность мужу связью съ третьимъ лицомъ, но и мужъ, „законно сопряженную себя жену оставляющій в иную поемлющій, по слову Господа, повиненъ суду прелюбодѣяннн“ (*τῷ τῆς μοιχείας ὑπέκειται κρίματι,—87 пр. тул. соб.*). Св. проф. А. С. Павлова—Личныя отношенія супруговъ по греко-римскому праву (Учен. зап. Казан. унив. за 1865 г., стр. 96—102); *Vinghami o. c., vol. IX, p. 349—353; E. v. Mou, o. c., S. 127—132; Zhishman, o. c., S. 578—583, 734—735.*

¹⁾ Съ замѣчательной энергіей раскрываетъ эту мысль св. Іоаннъ Златоустъ, неоднократно возвращаясь къ ней въ своихъ бесѣдахъ. Такъ, въ толкованнн его на первое посланіе къ коринтянамъ мы читаемъ: „Въ случаѣ прелюбодѣяннн жены изгоняющій ее мужъ не осуждается—потому, что бракъ уже разрушенъ (ὁ γάμος ἤδη διαέλυται) и оба лица, живя вмѣстѣ, растлѣваются. Впадшая однажды въ прелюбодѣяннн не чиста; если же прильпнляющійся къ блудницѣ есть одно тѣло съ нею (1 Кор. VII, 16) и самъ дѣлается нечистымъ, то чрезъ это они оба лишаются

дозволительнымъ, но даже—по крайней мѣрѣ, по свидѣльству нѣкоторыхъ источниковъ — и необходимымъ въ нравственныхъ интересахъ потерпѣвшей стороны ¹⁾; и если при

чистоты... После прелюбодѣянія (жены) мужъ — уже не мужъ“ (*μετά τήν πορνείαν ὁ ἀνὴρ οὐκ ἔστιν ἀνὴρ*,—Homil. XIX in ep. 1 ad Cor. p. 3 у *Migne Patr. gr. t. LXI, col. 154—155*; ср. его же замѣчаніе въ трактатѣ *De libello gerudii: ἡ μοιχαλὶς οὐδενός ἐστι γυνή*, страннымъ образомъ превращаемое *Fahrner*'омъ—о. с., S. 39—въ доказательство противоположной мысли). То же самое, по мысли св. отца, вполне приложимо и къ случаю нарушения супружеской вѣрности мужемъ. „Если — говорить онъ въ другой своей бесѣдѣ—черезъ половое совокупленіе (*συνουσία*) происходитъ единство плоти, то совокупающійся съ блудницею по необходимости становится однимъ тѣломъ съ нею. Какимъ же образомъ честная супруга, которая есть членъ Христовъ, приметъ такого мужа и сочетаетъ себя съ тѣломъ блудницы?“ (Homil. LXIV, af. LXIII in Joh., п. 4, — *Migne, Patr. gr. t. LIX, col. 353*). Ср. замѣчаніе *Евѳимія Зигабена* о прелюбодѣяніи, какъ „неисцѣлимой“ винѣ, въ *Comment. in Matth. XIX, 10* (*Migne, Patr. gr. t. CXXIX, col. 517*). Нужно, однако, замѣтить, что было бы ошибкою понимать подобныя изреченія слишкомъ буквально, въ смыслѣ признанія брачнаго союза необходимо перестающимъ существовать съ самаго момента прелюбодѣянія, разумѣя подъ послѣднимъ половую связь одного изъ супруговъ съ постороннимъ лицомъ,—какъ вѣлая признать точнымъ выраженіемъ обще-церковной мысли и противоположныхъ заявленія главнымъ образомъ западныхъ христіанскихъ писателей (*блаж. Иеронима* въ *Ep. LV ad Amand.*,—*Migne, Patr. lat. t. XX, col. 562*; *блаж. Августина* въ тракт. *De conjug. adult. l. II, c. 4*, — *Migne, Patr. lat. XL, col. 473*, и др.), обычно приводимыя католическими богословами и канонистами въ подтвержденіе ученія объ абсолютной расторжимости брака *quoad vinculum* (*Fahrner, o. c., S. 38—40*). Ниже мы увидимъ, что какъ въ восточной, такъ и въ западной половинѣ древней церкви фактъ нарушения супружеской вѣрности, давая оскорбленной сторонѣ право прекратить супружеское сожительство съ лицомъ, запятнавшимъ себя чрезъ прелюбодѣяніе, не создавалъ безусловной обязанности считать такой союзъ порваннымъ существенно и безповоротно, а съ другой стороны—воздержаніе отъ новаго супружества хотя и считалось, по нѣкоторымъ соображеніямъ, желательнымъ, но не вмѣнялось въ непремѣнную обязанность тому, кто законно расторгъ свой первый союзъ съ супругомъ—прелюбодѣемъ. Полагаемъ, что истинную церковную мысль нужно искать въ срединѣ между двумя указанными крайностями: прелюбодѣяніе способно оказать непоправимо-разрушительное дѣйствіе на основы супружества, но церковь не рекомендовала свѣршить съ разсѣченіемъ хотя бы и большого организма, пока не утрачена всякая надежда на возможность его исцѣленія.

1) Такъ, въ „Апостольскихъ Постановленіяхъ, наряду съ внушительнымъ напоминаніемъ о томъ, что раздѣляющій соединенное Богомъ есть „врагъ творчества Божія и противникъ Его промышленія“, замѣчается,

этомъ послѣдней настойчиво рекомендуется воздержаніе отъ брака съ другимъ лицомъ при жизни оставленнаго прелюбодѣя или прелюбодѣйки 1) то отсюда еще не слѣдуетъ за-

что и тотъ, кто удерживаетъ при себѣ невѣрную жену, „погрѣшаетъ противъ естественнаго закона, потому что *держай прелюбодѣйцу безумнѣ и нечестивѣ* (Притч. Солом. XVIII, 23); посему *отстыки ея*, говоритъ (Премудрый), *отъ плоти твоей* (Сир. XXV, 29), ибо она не помощница, а злоумышленница, склонившая свое расположеніе къ другому“ (Const. Apost. I, V, с. 16, — *Pitra*, ed. cit. t. 1, p. 322). Въ другомъ памятникѣ древне-христіанской письменности, пользовавшемся авторитетомъ почти наравнѣ съ книгами св. писанія, вопросъ объ отношеніи одного члена брачной четы къ нарушенію вѣрности другимъ рѣшается также въ томъ смыслѣ, что мужъ, знающій о прелюбодѣяніи жены, долженъ прекратить съ нею сожителство, если не хочетъ сдѣлаться самъ „участникомъ въ ея прелюбодѣйствѣ“; одинаково, надлежитъ поступать и женѣ въ соответствующемъ случаѣ (*Ерма—Pastor*, m. IV, с. 1, — *Funk*, E. X. *Patres apost.* I, p. 474, *Tubingae* 1901; p. перев. *свящ. Преображенскаго* въ Пам. древне-хр. писем., т. II, стр. 257—258, М. 1860). Подобнымъ же образомъ въ примѣненіи если не къ обѣимъ, то къ одной сторонѣ (мужу) высказывается и еще цѣлый рядъ восточныхъ и западныхъ писателей патристическаго періода, съ обычной при этомъ ссылкой на вышеприведенную цитату изъ книги Притчъ, — напр., *Тертуліанъ* (*Adv. Marc.* IV, с. 34, — *Migne*, *Patr. lat.* t. II, col. 442—443), *св. Василій В.* (пр. 9), *св. І. Златоустъ* (*Homil.* XVII in *Matth.*, с. 4 (*Migne*, *Patr. gr.* t. LVII, col. 260; см. *его же* сужденія, приведенныя въ предыдущ. примѣч.), *бл. Іеронимъ* (*Ep.* XXX ad *Ocean.*, с. 3, — *Migne*, *Patr. lat.* t. XXII, col. 691—692; *его же*, *Comment.* in *Matth.* XIX, — *ibid.* t. XXVI, col. 135), *бл. Августинъ* (*Retract.* I, с. 19, п. 6, — *Migne*, *Patr. lat.*, t. XXXII, col. 616) и др. См. выдержки у *проф. Глубоковского* въ цит. соч., стр. 37—47.

1) Основаніемъ для такихъ увѣщаній, кромѣ извѣстнаго уже намъ нерасположенія христіанской древности къ повторнымъ супружествамъ, была надежда на возможность примиренія между членами брачной четы, прекратившими сожителство по винѣ одного изъ нихъ. На этотъ именно мотивъ опредѣленно указываетъ *Ермъ* въ цит. произведеніи, раскрывая свою мысль въ формѣ отвѣтовъ „Пастыря“ на обращенные къ нему вопросы. „Что дѣлать, если жена (впавшая въ прелюбодѣяніе) будетъ оставаться въ своемъ порокѣ?—Пусть мужъ отпуститъ ея, а самъ остается одинъ. Если же, отпустивши жену, возьметъ другую, то и самъ прелюбодѣйствуетъ.—Что же, если жена отпущенная покается и пожелаетъ возвратиться къ мужу своему, то не должна ли быть принята мужемъ ея?—Даже если не приметъ ея мужъ, онъ грѣшитъ и допускаетъ себѣ грѣхъ великій; должно принимать грѣшницу, которая раскаявается, но не много разъ (*μη ἐνὶ πολὺ δέ*), ибо для рабовъ Божіихъ покаяніе одно. Поэтому ради раскаянія не долженъ мужъ, отпустивъ жену свою, брать себѣ другую. Такой образъ дѣйствій одинаково относится какъ къ мужу, такъ и къ женѣ“. Всматриваясь въ это наставленіе, не трудно замѣтить, что все оно является, въ сущности, лишь болѣе подробнымъ раскрытіемъ мысли,

ключать о невозможности для нея новаго супружества, разу-

содержащейся въ 1 Кор. VII, 10—11: мужъ и жена должны оданакowo хранить ненарушимость своего союза, въ случаѣ же разрыва его жена „должна оставаться безбрачною, или *примириться* съ мужемъ своимъ“, который—какъ ясно изъ всего построения рѣчи и изъ общаго смысла новозавѣтнаго ученія о бракѣ—въ соответствующемъ случаѣ обязанъ поступать такъ же. Заслуживаетъ вниманія, что эту заповѣдь апостолъ излагаетъ не какъ свой личный совѣтъ, а какъ „повеленіе“ Господа, имѣя, конечно, въ виду евангельскія изреченія Христа о разводѣ (Матѣ. V, 32 и XIX, 9; Марк. X, 11—12; Лук. XVI, 18). Это обстоятельство позволяетъ думать, что и означенныя изреченія имѣютъ въ виду ту же самую цѣль—побудить потерпѣвшую сторону быть свисходительною къ сторонѣ виновной, въ случаѣ ея раскаянія, и не закрыть пути къ возстановленію нарушеннаго мира между супругами, что становится уже невозможнымъ послѣ вступленія одного изъ нихъ въ новый брачный союзъ. Такое объясненіе несочувствія повторнымъ бракамъ при разводѣ въ древнѣйшихъ и авторитетнѣйшихъ памятникахъ христіанской письменности не исключаетъ, конечно, и другою, выставленнаго *блж. Геролимомъ* въ толкованіи на св. Матѣя (гл. XIX). Здѣсь заповѣдуемое Христомъ безбрачіе невиннаго супруга, прекращающаго сожителство съ другимъ по винѣ прелюбодѣянія, трактуется какъ мѣра предосторожности противъ фиктивныхъ обвиненій и вмѣстѣ—какъ показатель тяжести того душевнаго потрясенія, какое пережито потерпѣвшимъ: *quia poterat accidere, ut aliquis calumniam faceret innocenti et, ob secundam copulam nuptiarum, veteri crimen impingeret, sic priorem dimittere jubetur uxorem, ut secundam prima vivente non habeat. Quod enim dicit, tale est: si non propter libidinem, sed propter injuriam dimittis uxorem, quare expertus infelices priores nuptias, novarum te immittis periculo? Nec non quia poterat evenire, ut juxta eandem legem uxor quoque marito daret repudium, eadem cautela praecipitur, ne secundum accipiat maritum* (*Migne, Patr. lat. t. XXVI, col. 140*). Для насъ въ настоящемъ случаѣ не имѣетъ существеннаго значенія, какой именно изъ всѣхъ вышеуказанныхъ мотивовъ имѣлъ наибольшее значеніе въ сознаніи и жизни древне-христіанскаго общества. Важно то, что ни одинъ изъ нихъ не обосновываетъ *безусловной обязанности* вышеупомянутыхъ наставленій и не исключаетъ возможности отступленія отъ нихъ тамъ, гдѣ настойчивость требованія не способна привести къ предполагаемой цѣли. Необходимость имѣть это въ виду во избѣжаніе ошибочныхъ и одностороннихъ представленій относительно *практики* первыхъ христіанскихъ вѣковъ въ дѣлахъ разсма-триваемаго рода выразительно подтверждается постановленіемъ одного изъ древнѣйшихъ западныхъ соборовъ (въ Арлѣ, 314 г.), 10-мъ правиломъ котораго опредѣлено: внушать, но лишь *по мѣртв возможности*, молодымъ мужьямъ, жены которыхъ впади въ прелюбодѣяніе, воздерживаться отъ новыхъ браковъ, пока ихъ прежнія супруги остаются въ живыхъ (*placuit, ut in quantum possit consilium iis detur, ne viventibus uxoribus suis, licet adulteris, alias accipiant.*—*Bruns, Canones apost. et concil. saec. IV—VII, t. II, p. 110, Berol. 1839; Fahrner, o. c., S. 23.*

мѣется — по прекращеніи перваго формальнымъ разводомъ ¹⁾. Въ признаніи прелюбодѣянія достаточнымъ поводомъ

¹⁾ Усилія нѣкоторыхъ (преимущественно западныхъ) древне-церковныхъ писателей и вслѣдъ за ними—позднѣйшихъ католическихъ богослововъ обосновать эту невозможность на словахъ самого Христа сводятся, въ концѣ концовъ, къ бесплоднымъ попыткамъ подорвать значеніе извѣстныхъ уже намъ ограничительныхъ замѣчаній въ Матѣ. V, 32 и XIX, 9. Сущность приѣма, употребительнаго въ этомъ случаѣ, состоитъ въ отнесеніи резолютивнаго условія: *ei μὴ ἐπὶ πορνείᾳ* только къ отпущенію мужемъ прелюбодѣйной жены, а не къ возможности вторичной его женитьбы, которую, будто-бы, не изъемяетъ изъ-подъ общаго запрещенія повторнаго супружества для одного изъ членовъ брачной четы, при жизни другого, даже и *λόγος πορνείας*. Но насколько мало оправдываются подобныя утвержденія подлиннымъ евангельскимъ текстомъ, можно судить по тому, что настаивать на указанномъ пониманіи его не находилъ возможнымъ самъ блаж. Августинъ, величайшій изъ западныхъ патристическихъ авторитетовъ въ вопросѣ о брачной неасторжivosti. *Quisquis etiam uxorem in adulterio deprehensam dimiserit et aliam duxerit,*—читаемъ мы въ одномъ изъ его трактатовъ — *non videtur aequandus eis, qui excerpta causa adulterii dimittunt et ducunt. Et in ipsis divinis sententiis* (подъ которыми, очевидно разумѣются цит. мѣста изъ ев. Матѣея) *ita obscurum est, utrum et iste, cui quidem sine dībio adulteram licet dimittere, ad alteram tamen habeatur, si alteram duxerit, ut, quantum existimo, venialiter ibi quisque fallatur* (De fide et operibus c. 19 n. 35—*Migne*, Patr. lat., t. XL, col. 221). Эту преувеличенную темноту евангельскаго изреченія, не укладывающагося въ рамки прямолинейной доктрины, знаменитый вождь западно-христіанской мысли, какъ и его позднѣйшіе послѣдователи, совсѣмъ неудачно пытался устранить ссылками на категорическое запрещеніе новыхъ браковъ послѣ развода у Марк. X, 11—12 и Лук. XVI, 18 (см. *E. v. Mou*, о. с., S. 245 sq.), забывая, что краткія и общія формулы писанія должны быть понимаемы по руководству другихъ мѣстъ, болѣе детально говорящихъ о томъ же предметѣ, а не наоборотъ. Для взгляда, не затуманеннаго предвзятостью, было бы естественнѣе допустить, что если *безъ сомнѣнія* дозвоительно отпустить жену — прелюбодѣицу, то также *безъ сомнѣнія* можно и взять, послѣ развода, другую, ибо оба эти дѣйствія упомянуты въ одномъ (слитномъ) предложеніи: „кто отпустить жену свою не за прелюбодѣяніе и женится на другой“. Разуздается, съ точки зрѣнія высшихъ требованій христіанской морали воздержаніе отъ новаго супружества было бы и въ этомъ случаѣ предпочтительнѣе для потерпѣвшей стороны въ силу тѣхъ побужденій о которыхъ у насъ была рѣчь немного раньше; но при неопосильности такого подвига, отказать отъ него, по смыслу изреченій Христа у ев. Матѣея, не долженъ навлекать того осужденія, какое *возможно* въ случаѣ расторженія брака по всякой иной причинѣ, кромѣ прелюбодѣянія. Но и этого возможнаго, какъ увидимъ ниже, не превращала въ *безусловно-неизбѣжное* практика древней церкви, умѣвшей блюсти духъ, а не буквы

къ фактическому или и юридическому разрыву брачныхъ узъ сходится, такимъ образомъ, большинство древнихъ отцовъ и учителей церкви, убѣждающихъ обычно, на ряду съ этимъ, христіанскихъ супруговъ не расторгать брака ни по какой иной, хотя бы и „законной“ причинѣ ¹⁾). Но уже самое об-

евангельской заповѣди и не забывавшей о томъ, что *vincer evangelii* можетъ оказаться непосильнымъ и для не совсѣмъ слабыхъ душъ.

¹⁾ *Св. Григорія назіанза*. *Homil.* XXXVII, с. 8: *‘Ο μὲν νόμος κατὰ πᾶσαν αἰτίαν τὸ ἀποστάσιον δίδωσι. Χριστὸς δὲ οὐ κατὰ πᾶσαν αἰτίαν, ἀλλὰ συγχωρεῖ μὲν μόνον χωρῖσθαι τῆς πόρης, τὰ δὲ ἄλλα πάντα φιλοσοφεῖν κελεύει.* Далѣе перечисляется цѣлый рядъ поводовъ къ недовольству женой и указывается правильный способъ отношенія къ нимъ: *ἐὰν ἐπιγραφὰς ἴδῃς ἢ ἐπογραφὰς, ἀποκόσμησον καὶ γλώσσειν προπετῆ, σωφρόνισον ἂν γέλωτα πορνικόν, κατηφῆ ποιήσον ἐὰν δαπάνην ἢ ποτὸν ἄμετρον, σύστειλον ἐὰν προόδου ἀκαίρου, πέδησον ἐὰν ὀφθαλμὸν μετέωρον, κόλασον μὴ τέμνῃς δὲ προπετῶς, μὴ χωρίσῃς, ἀθλόον τι κινδυνεύει τὸ τέμνον ἢ τὸ τεμνόμενον* (*Migne, Patr. gr. t. XXXVI, col. 292*). Такое же перечисленіе обычныхъ, по всей видимости, въ его время поводовъ къ разводу даетъ *блаж. Иеронимъ* въ толкованіи на XIX гл. ев. Маттея: *Grave pondus uxorum est,—*разсуждаетъ онъ—*si excepta causa fornicationis eas dimittere non licet. Quid enim, si tumultenta fuerat, si iracunda, si malis moribus, si luxuriosa, si gulosa, si vaga, si jurgatrix, si malefica, tenenda erit hujusmodi? Volumus-nolumus, sustinenda est* (*Migne, Patr. lat. t. XXVI, col. 140; ср. ego же Ep. ap Amand. — ibid. t. XXII, col. 562*). См. еще: *св. Иоанна Златоуста De virgin.* с. 28 (*Migne, Patr. gr. t. XLVIII, col. 552*), *блаж. Феодорита* *Graec. affect. cur., serm. IX* с. 9 (*Migne, Patr. gr. t. LXXXIII, col. 1053*), *св. Иларія пугатьес*. *Comment. in Matth. V, 31 — 33* (*Migne, Patr. lat. t. XI, col. 939 — 940*) и мн. др. При обилии такихъ и подобныхъ сужденій о недостаточности для оправданія разрыва между христіанскими супругами одной изъ указанныхъ причинъ едва ли есть надобность доказывать, что отношеніе древне-христіанскихъ писателей къ случаямъ расторженія брака *безъ* предьявленія суду компетентной власти какой бы то ни было вины одной изъ сторонъ, т. е. къ разводамъ *ex consensu*, могло быть только отрицательнымъ. Насколько намъ извѣстно, среди нихъ нѣтъ ни одного, который бралъ бы подъ свою защиту *безпричинный* разрывъ христіанскаго супружества по обоюдному соглашенію членовъ брачной четы. Ссылка *проф. Глубоковского* (цит. соч., стр. 38), въ подтвержденіе противоположной мысли, на Тертулліана (*Ad uxor. 1, с. 6,—Migne, Patr. lat. t. 1, col. 1283—1284*) не можетъ быть признана убѣдительною, какъ соединенная съ недосмотромъ или недоразумѣніемъ, ибо въ замѣчаніи о супругахъ, *qui consensu pari inter se matrimonii debitum tollunt, рѣчь* совсѣмъ не о разводѣ, а о явленіи иного порядка, хорошо извѣстномъ христіанской древности и нами отмѣченномъ выше на страницахъ настоящаго изслѣдованія. Не противорѣчитъ сказанному объ отношеніи древне-христіанскаго сознанія къ безпричиннымъ разводамъ и каноническое дозволеніе

ліе этихъ увѣщаній достаточно ясно говоритъ о томъ, какъ далеко отклонялась дѣйствительность, съ ея традиціонною распатанностью семейныхъ началъ, отъ евангельской нормы брачной нерасторжимости ¹⁾. Да едва-ли и можно было рассчитывать на успѣхъ попытокъ превратить эту нравственную норму въ обязательное правило для той общественной среды, въ которой широкая свобода разводовъ была вѣковой привычкою, почти не знавшею принудительныхъ ограниченій путемъ законодательства. Во всякомъ случаѣ, однихъ увѣщательныхъ напоминаній о недозволительности, по заповѣди Христа, расторгать супружескій союзъ *παρεχὸς λόγου πορνείας* при такихъ обстоятельствахъ было, очевидно, не достаточно. Фактическія нарушенія ея не были, конечно, изъяты, сверхъ того, изъ сферы церковно-дисциплинарнаго воздѣйствія ²⁾; но это послѣднее, карая неосновательный съ христіанской точки зрѣнія разводъ, не было въ состояніи отнять у него значеніе правомѣрнаго акта въ обще-юриди-

расторгать бракъ ради вступленія обоихъ супруговъ въ монашество или при рукоположеніи мужа въ санъ епископа, такъ какъ, по разъясненію авторитетнѣйшаго византійскаго комментатора церк. правилъ—Вальсаковна, въ томъ и другомъ случаѣ прекращеніе супружества „не имѣетъ вида развода по взаимному соглашенію, не допускаемаго законами“ (см. толкованіе его на 48 пр. трул. соб. въ *Σύντ.* 11, 421; цит. р. перев. стр. 610. Св. *Zhishman*, о. с., S. 100—102; *Fakner*, о. с., S. 33—35; проф. *Загоровскій*, цит. соч., стр. 56—59).

¹⁾ Свидѣтельства древне-церковныхъ писателей, рисующія современный имъ строй семейныхъ отношеній, ясно показываютъ, что уваженіе къ прочности брачныхъ узъ не только у язычниковъ, но и въ христіанской средѣ оставляло желать многого. Для примѣра можно указать на не разъ цит. бесѣду св. *Астерія амас.*, гдѣ рѣзко обличаются „легкомысленно мѣняющіе женъ, какъ одежду, устраивающіе брачныя чертоги такъ же часто и легко, какъ ярмарочныя палатки, женящіеся на имѣніяхъ и берущіе женъ ради корысти, при маленькомъ неудовольствіи немедленно пишущіе разводное письмо и еще при жизни дѣлающіе многихъ вдовами“ (*Migne, Patr. gr. t. XI, col. 228; р. перев. стр. 385—386*). Таковы были христіанскіе мужья; но имъ, повидимому, не много уступали въ данномъ отношеніи и жены, широко пользовавшіяся во времена *блаж. Августина* законною возможностью *quotidie viros suos dimittere* (*Quaest. ex utroque testam., qu. 115,—св. Е. v. Moy, о. с., S. 139—140*). Конечно, въ томъ и другомъ обличительномъ замѣчаніи нельзя не предположить извѣстной доли преувеличенія; но общій фактъ неустойчивости брачныхъ союзовъ и легкости разводовъ, отмѣчаемый здѣсь, этимъ не подрывается.

²⁾ Ап. пр. 5 и 48; гангр. соб. пр. 14 и др.

ческомъ смыслѣ. Нужно замѣтить еще, что и сама церковная власть, при оцѣнкѣ подобныхъ отклоненій отъ требованій Божьяго закона, не считала себя въ правѣ—какъ и слѣдовало—совершенно игнорировать силу человѣческаго обычая ¹⁾. Не удивительно, въ виду всего этого, если въ произведеніяхъ церковныхъ писателей, принадлежащихъ даже первымъ тремъ вѣкамъ, когда — по наблюденію изслѣдователей—въ сужденіяхъ о данномъ предметѣ замѣтна какъ-бы нѣкоторая боязнь сказать больше того, чему учить писаніе ²⁾, мы уже встрѣчаемся съ не вполне увѣренными, правда, попытками раздвинуть кругъ основаній для развода нѣсколько шире той узкой черты, какая намѣчается буквою евангельскихъ наставленій ³⁾. Постепенно, однако, мысль, направленная такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ гораздо большую устойчивость, идя къ одной и той же цѣли съ двухъ противоположныхъ концовъ. Отправляясь отъ условія: *εὶ μὴ ἐπὶ πορνείᾳ*, оказалось возможнымъ поставить вопросъ о томъ, необходимо ли разумѣть въ этомъ случаѣ подъ „прелюбодѣніемъ“ тѣлесно-половую связь, оскорбляющую святость и чистоту супружескаго союза. Извѣстно, что въ ветхозавѣтно-библейскомъ употребленіи это слово нерѣдко обозначаетъ

1) См. выше, стр. 102.

2) *Freisen*, о. с., S. 770.

3) Такъ, Оригенъ, комментируя слова Христа относительно развода по прелюбодѣнію, задается вопросомъ о томъ, исключается ли ими возможность расторженія супружества по другимъ какимъ-либо основаніямъ. Мысль знаменитаго учителя колеблется въ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ. „Спаситель отнюдь не допускаетъ расторгать бракъ по какому-либо иному прегрѣшенію, какъ только по одному прелюбодѣнію, обрѣтѣнному въ женѣ... Можетъ быть, кто-нибудь спроситъ: воспрещается ли этимъ отпускать жену помимо захвата ея въ прелюбодѣніи, напр. за приготовленіе ядовъ (*ἐπὶ φαρμακείᾳ*), или за умерщвленіе ребенка, родившагося въ отсутствіе мужа, или за какое иное убійство? Если она окажется опустошающею и расхищающею домъ мужа, но не прелюбодѣницею, то и тутъ можетъ кто-нибудь спросить: справедливо ли отвергать таковую, поелику Спаситель воспрещаетъ кому-либо отпускать жену свою *развѣ словесе любодѣйнаго*? Въ обоихъ случаяхъ это представляется неумѣстнымъ, но не знаю, дѣйствительно ли это неумѣно, ибо кажется неразумнымъ сносить таковыя грѣхи, которые хуже прелюбодѣнія и любодѣнія; впрочемъ и поступать противъ наставленія Спасителя едва-ли кто сочтетъ благочестивымъ (*Comment. in Matth.,—Migne, Patr. gr. t. XIII, col. 1248—1249*).

измѣну народа Божія своему завѣту съ Іеговой, т. е. грѣхъ уклоненія отъ вѣры въ истиннаго Бога, идолопоклонство и т. п. Въ періодъ напряженной борьбы съ язычествомъ, при желаніи руководителей христіанской мысли и жизни оградить не очень твердыхъ въ вѣрѣ отъ возможныхъ соблазновъ въ интимной обстановкѣ семьи, такое пониманіе „прелюбодѣянія“, примѣненное къ указанному изреченію Христа, имѣло всѣ данныя стать употребительнымъ въ качествѣ дополнительнаго ограниченія идеальной неразрывности супружества, на что выразительно намекаетъ уже одинъ изъ „мужей апостольскихъ“, говоря объ условіяхъ, при которыхъ одинъ изъ супруговъ можетъ и долженъ прекратить сожителство съ другимъ ¹⁾. Болѣе опредѣленно становятся на этотъ путь нѣкоторые изъ послѣдующихъ церковныхъ писателей ²⁾, распространяя, так. образ., евангельскую санкцію развода на примѣненіе его въ тѣхъ случаяхъ, когда продолженіе супружества могло быть признано противнымъ христіанской совѣсти и религіозно-правственнымъ интересамъ одной изъ сторонъ. Напомнимъ, что право „вѣрующаго“ члена брачной четы на разрывъ съ супругомъ-язычникомъ могло быть обосновано, сверхъ того, на извѣстномъ изрече-

¹⁾ Ермѣ, Pastor, t. IV, с. 1: οὐ μόνον, φησί, μοιχείν ἐστίν, ἐάν τις τὴν σάρκα αὐτοῦ μίση, ἀλλὰ καὶ ὡς ἂν τὰ θιοδώματα ποιῇ τοῖς ἔθνεσιν, μοιχάται (ed. cit. S. 476; цит. р. перев. стр. 258).

²⁾ Напр., блж. Августинъ въ трактатѣ о нагорной проповѣди. Здѣсь подъ понятіе „fornicatio“ (греч. πορνεία) подведены не только *idololatria* и *quaelibet noxia superstitio*, но и *avaritia*, послѣ чего, на основаніи словъ Христа о дозволительности отпустить жену *causa fornicationis*, дѣлается заключеніе, что *propter illicitas concupiscentias, non tantum quae in stupris cum alienis viris aut feminis committuntur, sed omnino quaslibet, quae animam corpore male utentem a lege Dei aberrare faciunt et perniciose turpiterque corrumpi, possit sine crimine et vir uxorem dimitter et uxor virum, quia exceptam facit Dominus causam fornicationis: quam fornicationem generalem et universalem intelligere cogimur* (De serm. Dom. in monte I. 1, с. 16, n. 46.—*Migne, Patr. lat. t. XXXIV, col. 1252—1253*). Менѣе увѣренно высказывается названный церковный писатель о правильности такого пониманія евангельскаго текста о разводѣ въ другомъ своемъ произведеніи (*Retract. I. 1, с. 19, n. 6, —Migne, Patr. lat. t. XXXII, col. 616*), хотя и здѣсь не отказывается вполне отъ высказаннаго ранѣе мнѣнія. См. еще *Binghami o. c., vol. IX, p. 353—355; I. C. Suiceri—Thesaurus ecclesiasticus, ex patribus graecis ordine alphabetico concinnatus, t. II, p. 809. Amstelodami 1682.*

ніи ап. Павла (1 Кор. VII, 15), въ свою очередь подвергшемся распространительному толкованію ¹⁾. Послѣ этого намъ уже не покажутся неожиданными и положительныя опредѣленія церковной власти, признающія, въ извѣстныхъ случаяхъ, разновѣріе супруговъ достаточнымъ основаніемъ для расторгенія брачнаго союза между ними ²⁾. Къ дальнѣйшему расширенію круга дозволенныхъ изъятій изъ принципа брачной нерасторжимости вела христіанскую мысль практическая необходимость обосновать и оправдать болѣе снисходительное отношеніе къ юридически—правильнымъ разводамъ *παρεκτός λόγου πορείας* сравнительно съ строгой нравственной оцѣнкой ихъ по евангелію. Какъ уже было замѣчено ранѣе, церковно-дисциплинарная власть, будучи вынужденной считаться съ такими разводами, какъ явленіемъ далеко не исключительнымъ и въ христіанской средѣ, не могла не принимать во вниманіе, въ качествѣ смягчающаго вину обстоятельства, соответствія ихъ дѣйствующему праву и обычаямъ. Но можно было пойти въ этомъ направленіи и дальше, устранивъ противорѣчіе нѣкоторыхъ изъ законныхъ основаній развода *духу* руководящихъ библейскихъ наставленій путемъ *презумпцій* и *аналогій*, сближающихъ эти основанія, по ихъ этической сущности или по ихъ вліянію на фактическое продолженіе совмѣстной жизни супруговъ, съ естественною смертью и прелюбодѣяніемъ ³⁾. Въ

¹⁾ См. выше, стр. 99 и 101.

²⁾ *Zhishman*, о. с., S. 756—757; *проф. Загоровскій*, цит. соч., стр. 123.

³⁾ *Zhishman*, о. с., S. 107, 729—730; см. *проф. Павлова*—Курсъ церк. права, стр. 383. *Проф. Н. А. Заозерскій* (На чемъ основывается церк. юрисдикція въ брачныхъ дѣлахъ, стр. 64, С. Пос. 1902), упрекая ученаго западнаго изслѣдователя брачнаго права восточной церкви за то, что онъ „пустилъ въ оборотъ“ мысль объ указанной въ текстѣ аналогіи, считаетъ такое объясненіе церковной снисходительности къ юридическимъ основаніямъ развода искусственнымъ и поверхностнымъ. При всемъ уваженіи къ научнымъ взглядамъ и мнѣніямъ своего академическаго учителя, мы не можемъ послѣдовать за нимъ въ настоящемъ случаѣ. Замѣчаніе, что такіе, напр., поводы къ разводу, какъ разговоръ жены съ постороннимъ мужчиной, хотя бы въ церкви (Proch. t. XXXIX, с. 42; слав. перев. въ Кормчей, цит. изд. ч. 2, л. 165), могли считаться достаточными лишь при взглядѣ на нихъ, какъ на „признаки или степени обнаруженія *психическаго разложенія* брачной симпатіи супруговъ“, конечно, должно быть признано правильнымъ, но только на половину: простое охлажденіе супружеской любви, даже и

первомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія 36-е правило св. Василія В., имѣющее въ виду случай безвѣстнаго отсутствія мужа на войнѣ, предусматриваемый тогдашнимъ гражданскимъ законодательствомъ, какъ основаніе для жены, при соблюденіи нѣкоторыхъ ограничительныхъ условій, считать себя свободною отъ брака съ отсутствующимъ ¹⁾. „Жены воиновъ, пребывающихъ въ безвѣстности, сочетавшіяся съ другими (*στρατιώτιδες αἱ τῶν ἀνδρῶν αὐτῶν ἀφαιρῶν ὄντων*

при его обоюдности, еще не являлось само по себѣ достаточнымъ основаніемъ для расторгенія брачныхъ узъ съ точки зрѣнія *церкви*, рѣшительно не одобрявшей, какъ мы видѣли, разводовъ *ex consensu*. Думаемъ, что это даетъ право признать и въ указанномъ случаѣ бракоразрушительное дѣйствіе „психическаго разложенія брачной симпатіи“ лишь постольку, поскольку, сверхъ того, мыслилось достаточно удостовереннымъ обстоятельствами дѣла и перенесеніе этой симпатіи на другое, стороннее лицо, т. е. фактъ (не физиологическаго, конечно) *прелюбодѣнія*. Что касается самой мысли объ „аналогіяхъ“ съ прелюбодѣніемъ и смертью, какъ приемъ обоснованія другихъ поводовъ къ разводу, то честь или вина введенія ея въ оборотъ не должна быть усвояема названному западному ученому, такъ какъ эта мысль была не безызвѣстна и древне-христіанскимъ писателямъ, въ чемъ будетъ—надѣемся—не трудно убѣдиться изъ приводимыхъ ниже свидѣтельствъ.

1) L. 7 Cod. V, 17. Это—законъ имп. Константина В., изданный въ 337 г. и впервые берущій подъ свою защиту безвѣстное отсутствующаго мужа, отправившагося *in militiam*: опредѣлено, что лишь по истеченіи четырехъ лѣтъ пребыванія безъ всякихъ извѣстій о немъ жена вправѣ безнаказанно вступить въ новый бракъ, оповѣстивъ объ этомъ начальство своего мужа. До изданія этого закона обязательный срокъ ожиданія при безвѣстномъ отсутствіи едва-ли былъ больше того, какой считался необходимымъ для устраненія предположеній о *turbatio sanguinis*; самая же безвѣстность отсутствія, конечно, разсматривалась, какъ основательный поводъ презумировать смерть или плѣнъ, что для сужденія о бракѣ даннаго лица было, въ сущности, безразлично. Римское право классической эпохи признавало взятіе въ плѣнъ полнымъ уничтоженіемъ гражданской личности (*capitis deminutio maxima*.—*проф. К. ф. Чиларжъ*, цит. соч., стр. 77), съ чѣмъ, естественно соединялась потеря всѣхъ правъ, въ томъ числѣ и супружескихъ, безъ возможности восстановленія ихъ *jure postliminii*. Для возобновленія брака, въ случаѣ освобожденія находившагося въ плѣну, требовалось новое согласіе сторонъ, если, конечно, жена не успѣла уже выйти вторично замужъ, при чемъ юридически такой бракъ считался не продолженіемъ прежде бывшаго, а установленнымъ вновь (*проф. Загурскій*, Ученіе о законнорожденности, стр. 48; о дальнѣйшихъ законодательныхъ ограниченіяхъ права жены на разводъ съ безвѣстнымъ отсутствующимъ на войнѣ мужемъ см. тамъ же, стр. 51—53).

υαμηθείσαι)“, должны были бы, по мысли св. отца, подлежать общему сужденію о тѣхъ, „кои не дождались возвращенія отсутствующихъ мужей“, т. е., согласно его же 31-му правилу, считаться виновными въ прелюбодѣяніи за поспѣшное и легкомысленное нарушеніе долга вѣрности первому мужу прежде удостовѣренія о смерти его (*πρὸ τοῦ λοβῆσαι περὶ τοῦ θανάτου αὐτοῦ*). Впрочемъ,—прибавляетъ къ этому конецъ 36 правила—„здѣсь (т. е. въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія на войнѣ) дѣло достойно нѣкоего снисхожденія, поелику *болѣе вѣроятно заключеніе о смерти (διὰ τὸ μᾶλλον πρὸς θάνατον εἶναι τῆν ὑπόνοιαν)*“. Та же самая мотивировка церковной снисходительности при указанныхъ обстоятельствахъ буквально повторяется и въ 93 правилѣ трульскаго собора, которое важно для насъ въ томъ отношеніи, что имъ совершенно устраняется неясность относительно признанія церковью дѣйствительнымъ новаго брака жены, мужъ которой находится въ безвѣстномъ отсутствіи ¹⁾. Последнее, такимъ

¹⁾ Къ воспроизведенному сполиа тексту 31, 36 и 46 правилъ св. Василія В. соборъ присоединилъ съ своей стороны слѣдующее: „Аще же по нѣкоемъ времени возвратится воинъ, коего жена, по причинѣ долговременнаго отсутствія его, со инымъ мужемъ сочелася, то паки да возметъ жену свою, *аще восхоцеть*; при чемъ да дастся ея невѣдѣнію прошеніе, такожде и мужу, сожительствовавшему съ нею во *второмъ бракѣ (τῷ κατῆν εἰσοκισαμίῳ κατὰ δεύτερον γάμον ἀνδρὶ)*“. Соборное опредѣленіе стоитъ и здѣсь на почвѣ современнаго ему гражданскаго законодательства, которое точно такъ же предоставляло вернувшемуся изъ безвѣстнаго отсутствія солдату взять свою жену, хотя бы она уже была вторично замужемъ (юстин. Nov. СХVII. с. 11,—см. текстъ съ слав. и русск. перев. у *проф. Нарбекова* въ цит. изд., ч. 2, стр. 508—513). Но для насъ важно, во 1-хъ, то, что до выясненія неосновательности предположеній о смерти перваго, отсутствующаго мужа новый бракъ оставался въ полной силѣ; очевидно, „снисхожденіе“ къ нему церкви выражалось не въ одномъ только „сокращеніи срока епитиміи“ (см. толков. Зонары на 36 пр. св. Василія В. въ *Σύγг. IV*, 180; цит. р. перев. стр. 280), которая, какъ мы уже знаемъ, налагалась при всякомъ второбрачїи, а и въ признаніи за этимъ вторичнымъ супружествомъ предполагаемой вдовы права на законное существованіе. Къ тому же заключенію приводитъ, во 2-хъ, и новое снисхожденіе церкви, дающей „прошеніе“ невѣдѣнію вступившихъ въ такое супружество. Наконецъ, и самая оговорка относительно того, что первый мужъ, возвратившись изъ безвѣстнаго отсутствія, имѣетъ право возвратити себѣ жену, „аще восхоцеть“, даетъ достаточное основаніе заключать, что въ случаѣ, если онъ „не восхоцеть“, заключенный по невѣдѣнію бракъ останется въ полной силѣ.

образомъ, вводится указанными правилами въ кругъ признанныхъ церковью бракорасторгающихъ обстоятельствъ въ полномъ и точномъ значеніе этого слова, при чемъ уже напередъ можно было предусматривать распространеніе въ будущемъ того, что первоначально дозволялось лишь опредѣленной категоріи лицъ, и на другіе случаи, когда допустимо *вѣроятное предположеніе* о физической смерти одного изъ супруговъ ¹⁾. Не осталась безъ примѣненія при теоретиче-

1) Ближайшимъ шагомъ въ этомъ направленіи было признаніе продолжительнаго безвѣстнаго пребыванія мужа или жены *въ плѣну* за достаточное основаніе для другой стороны получить свободу вступленія въ новый бракъ. Какъ уже было замѣчено, въ классическомъ римскомъ правѣ взятіе въ плѣнъ считалось *гражданскою смертью* для плѣнника, сполна уничтожающею, между прочимъ, его супружескія права. Такое возрѣніе не утратило силы и послѣ того, какъ государственная власть стала христіанскою; но оно не могло встрѣтить сочувствія себѣ со стороны церкви. Съ христіанской точки зрѣнія на человѣческую личность, послѣдняя не теряетъ своихъ человѣческихъ правъ вмѣстѣ съ утратою свободы (Филим. 1, 16); а при возвышенномъ взглядѣ на бракъ, какъ полное нравственное единеніе между данными лицами, несчастіе одного не ослабляетъ долгъ супружеской любви для другого. Болѣе настойчивой въ проведеніи вытекающаго отсюда слѣдствія, какъ и вообще принципа брачной нерасторжимости, оказалась западная половина христіанскаго міра (см. *Fahrner*, о. с., S. 41); тѣмъ не менѣе, среди опредѣленій одного изъ западныхъ соборовъ второй половины VII в. (въ Герфордѣ, подъ предсѣдательствомъ Теодора, арх. кентерберійскаго, о которомъ см. замѣч. *проф. Н. А. Заозерскаго*—На чемъ основывается церк. юрисдикція, стр. 41—45) имѣется слѣдующее: *cui uxorem hostis abstulerit, et non potest repetere eam, licet ei aliam accipere, melius quam fornicari. Nam si postea redeat uxor, non potest recipere eam, si aliam habet. Ipsa recipiat alterum virum, si unum ante habuit* (с. 31, — *Klee*, о. с., S. 49). Въ церкви восточной пятнадцатое безвѣстное пребываніе кого-либо изъ членовъ брачной четы въ плѣну стало безпрепятственнымъ бракоразводнымъ поводомъ для другого если не со времени изданія соотвѣтствующаго указація имп. Юстиніаномъ (Nov. XXII, с. 7), то со времени рецепціи его номоканономъ въ XIV титуловъ (въ фотіев. ред. тит. XIII, гл. 4, — *Pitra*, ed. cit., t. II, p. 615; *проф. Нарбековъ*, цит. труда ч. 2, стр. 523). Но мотивомъ къ признанію необязательности прежнихъ узъ брака съ безвѣстно отсутствующимъ плѣнникомъ является уже не гражданская его смерть, а вѣроятность предположенія о физической смерти, какъ это ясно обнаруживается изъ текста указанной новеллы: *δουλείας γὰρ ἀπαξ ἐπιγενομένης θατέρω*—читаемъ мы здѣсь—*ἢ τῆς εὐχῆς ἀπιστοῦς τὴν ἐκ τῶν γάμων ἰσοῦστα μένειν οὐ συγχωρεῖ. πλὴν ἀλλ' ἠφιέλανθρον πότερον τὰ τοιαῦτα θεωροῦντες, ἕως μὲν ἔστι φανερόν περιεῖναι ἢ τοῦ*

скомъ обоснованіи бракоразводныхъ поводовъ и аналогія съ физической смертью, какъ это можно видѣть изъ содержащейся въ источникахъ мотивировки послѣдствій, протекающихъ для остающагося „въ міру“ члена супружеской четы по принятіи другимъ монашества 1). Насколько растяжимымъ, въ свою очередь, могло оказаться въ христіанской бракоразводной практикѣ евангельское *εἰ μὴ ἐπὶ πορνείᾳ*, помимо фигуральнаго значенія послѣдняго термина (о чемъ была рѣчь выше), можно судить отчасти уже по тому, что такому горячему поборнику брачной нерасторжимости, какъ блаж. Іеронимъ, одно *ποδοῦρτιον* прелюбодѣнія казалось

ἄνδρα ἢ τὴν γαμετὴν, μένειν ἄλλα τὰ συνοικέσια συγχωροῦμεν... Εἰ δὲ ἄθλον καθεστῆκοι, πότερον περίεστιν ἢ μὴ τὸ εἰς πολεμίους ἀφικόμενον πρόσωπον, τῆν καὶ τα πενταετίαν μενετέον εἴτε τῷ ἀνδρὶ εἴτε τῇ γυναικί, μεθ' ἣν εἴτε σαφῆ γένοιτο τὰ τῆς τελευτῆς εἴτε ἄθλα μένοι, γαμεῖν ἔξεστιν ἀκινδύτως. Позднѣйше законодательство (нов. XXXIII имп. Льва Мудраго, — *Zachariae, Jus graecorum. t. III, p. 118—120*) отмѣнило, впрочемъ, этотъ поводъ къ разводу, предписавъ, чтобы *ὅσοις ἂν δήποτε χρόνοις ἐν αἰχμαλωσίᾳ ἢ τὸ ἐκεῖ κατακλιρωρόμενον, περιμένειν τὸ ἕτερον, κἂν μῆτε ἔγγραφος θήλωσις μῆτε ἄγραφος ἐκεῖθεν καταλαί ἀνῆ.* См. толков. Вальсамона на 93 пр. трул. соб. въ *Σύντ. II, 527*; р. перев. стр. 742—743.

1) Юстин. Nov. XII, с. 5: здѣсь опредѣляется, чтобы „какъ мужу, такъ и женѣ, въ случаѣ перехода ихъ къ лучшей жизни (*πρὸς τὰ καλλίω*; нѣсколько выше это обозначено болѣе опредѣленными словами: *ἕταν ἄσκησιν ἑτέρον ἔλθαι τῶν μέρων, πρὸς τὴν ἐπὶ τὰ κρείττω μεταβαῖνον ὁδόν*), было позволено расторгать сожителство и разлучаться (*διαλθεῖν συνοικήσιον καὶ ἀναχωρεῖν*), съ тѣмъ, чтобы покинутой сторонѣ оставалось нѣкоторое малое утѣшеніе. А именно: ту выгоду, какую, по соглашенію, въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, получаетъ другой, нужно имѣть лицу, оставленному другимъ, мужъ ли, жена ли окажется въ такомъ положеніи, потому что тотъ (поступающій въ монастырь) *καὶς бы умираетъ для бывшаго сожителя (διότι καὶ οὗτος τὸ γε ἐπὶ τῷ συνοικήσαντι δοκεῖ τελευτᾶν)*, избравъ вмѣсто одного другой путь жизни“. Мотивировка эта принадлежитъ, правда, свѣтскому законодателю; но, помимо общезвѣстной склонности Юстиніана къ разсужденіямъ церковно-богословскаго характера, самый фактъ, предусматриваемый приведеннымъ указаніемъ, таковъ, что едва-ли допустимо предположеніе объ изданіи послѣдняго безъ соглашенія съ представителями церковной мысли и власти. Во всякомъ же случаѣ остается на лицо то важное обстоятельство, что это узаконеніе принято въ авторитетнѣйшій сборникъ церковно-гражданскихъ постановленій и воспроизведено сполна его знаменитымъ комментаторомъ (см. толков. Вальсамона на номок. п. Фотія тит. XIII, гл. 4, — *Σύντ. I, 297*; р. перев. въ штг. трудѣ проф. Нарбекова, ч. 2, стр. 524).

достаточнымъ поводомъ для оставленія мужемъ жены и наоборотъ ¹⁾. Нѣтъ надобности, конечно, пояснять, что при этомъ молчаливо предполагаются тѣ или другія объективныя основанія супружеской подозрительности, подобныя тѣмъ, напр., которыя опредѣленно указаны были, немного позже, въ гражданскомъ законодательствѣ ²⁾. Сюда же нужно отнести и фактъ злонамѣреннаго оставленія женою мужа, указаніе на который, какъ поводъ къ расторженію брака, содержится въ 9 и 35 пр. св. Василія Великаго ³⁾. Правда, что въ текстѣ обоихъ каноновъ нѣтъ никакого прямого обоснованія бракорасторгающей силы названнаго обстоятельства, да и самое замѣчаніе о правѣ злонамѣренно покинутаго мужа вступить въ новый бракъ выражено лишь въ видѣ косвеннаго намека—въ словахъ: „снисхожденіе же окажется ему въ томъ, да будетъ въ общеніи съ церковію ⁴⁾. Однако, и этотъ намекъ можетъ, въ концѣ концовъ, навести на основательную догадку относительно того пути, который привелъ христіанскую мысль къ признанію дозволенности развода въ указанномъ случаѣ. Какъ видно изъ приведенныхъ словъ, злонамѣренно оставленный супругъ, предполагается—уже обязавшійся новымъ бракомъ, принимается въ церковное

¹⁾ Comment. in Matth. XIX, 9—у *Migne*, Patr. lat. t. XXVI, c. I. 135: *ubicunque ergo est fornicatio, aut fornicationis suspicio, libere uxor dimittitur*. Рѣчь идетъ собственно о правѣ мужа порвать супружескую связь съ женой по подозрѣнію ея въ прелюбодѣяніи; но мы уже знаемъ, что блаж. Іеронимъ, подобно ряду другихъ древне-христіанскихъ писателей, былъ рѣшительнымъ противникомъ неравенства супруговъ въ ихъ правахъ на обоюдную вѣрность.

²⁾ L. 8 Cod. V, 17 (законъ имп. Θεодосія II и Валентиніана, изд. въ 449 г.). Здѣсь, между прочимъ, мужу предоставляется право развестись съ женой, если она окажется—а) участвовавшей, безъ его вѣдома и согласія, въ пиршествахъ съ посторонними мужчинами; б) проведеншею, вопреки его желанію и безъ основательной причины, ночь внѣ мужаго дома и в) посѣдившею зрѣлища (цирки, театры и гладіаторскія состязанія), не смотря на запрещеніе со стороны мужа. Ср. юстин. Nov. CXVII, c. 8, § 4—6; Proch. tit. XI, c. 9—11; Basil. I. XXVIII, tit. VI, c. 1, и др. *Zhishman*, o. c., S. 743.

³⁾ *Проф. Н. А. Заозерскій*, Злонамѣренное оставленіе однимъ супругомъ другого, какъ основаніе расторженія брака, стр. 2 и д. С. Пос. 1904.

⁴⁾ Это—заключительныя слова 35-го правнла; обоснованіе принятаго нами пониманія ихъ, въ противоположность ошибочному толкованію Зонары, см. въ цит. соч. *проф. Заозерскаго*, стр. 5—7.

общеніе безъ намека на какую-бы то ни было епитимію, хотя бы только за второбрачіе. Церковная снисходительность простирается здѣсь до такой степени, которая была бы не мыслима для тогдашней церковной дисциплины при возможности сомнѣнія въ безусловной основательности расторженія перваго брака при жизни одного изъ супруговъ; а такое безспорное основаніе представляетъ собою по евангельскому указанію, только *λόγος πορνείας*. Вотъ почему мы считаемъ вполне отвѣчающимъ истинному смыслу разсматриваемой канонической нормы замѣчаніе одного изъ нашихъ ученыхъ канонистовъ относительно сущности „злого намѣренія“ (*dolus*), выражающагося какъ въ оставленіи однимъ супругомъ другого, такъ и въ отмѣченныхъ выше обстоятельствахъ, признанныхъ древнимъ гражданскимъ законодательствомъ за достаточную причину развода. „Дѣянія эти, по *внѣшности* не преступныя,—говоритъ проф. Заозерскій—могутъ служить *твердымъ основаніемъ для предположенія прелюбодѣйной цѣли*. Дѣло судьи—звѣснить ихъ съ этой точки зрѣнія и раскрыть: случайны они, не вѣрно оцѣниваются ревнивымъ мужемъ, плодъ недоразумѣнія, или же служатъ выраженіемъ преступнаго намѣренія и скрываютъ преступное отношеніе, преступную связь невѣрной жены и измѣну мужу. Въ такомъ случаѣ судъ изрекаетъ приговоръ расторженія на основаніи *словесе прелюбодѣйнаго*“¹⁾. Если

1) Проф. Н. А. Заозерскій, цит. соч., стр. 12. Не довольствуясь такимъ, совершенно правильнымъ, на нашъ взглядъ, пониманіемъ „злонамѣреннаго оставленія“, какъ факта, аналогичнаго по своему внутреннему смыслу съ прелюбодѣяніемъ или дающаго основательный поводъ для „предположенія прелюбодѣйной цѣли“, ученый авторъ нѣсколько далѣе находитъ возможнымъ провести и другую аналогію того же событія съ естественною смертью одного изъ супруговъ. Напомнивъ вышеприведенное узаконеніе имп. Юстиніана, считающее вступившаго въ монашество члена брачной четы какъ-бы умершимъ для оставленнаго сожителя, онъ замѣчаетъ: „но вѣдь и жена, оставившая мужа, его домъ и семью (для предполагаемой связи съ другимъ) развѣ не можетъ мыслиться *какъ-бы умершею* для сожительства съ оставленнымъ мужемъ?“ (тамъ же, стр. 13). Не имѣя надобности входить въ разсмотрѣніе этихъ соображеній по существу, не можемъ не отмѣтить ихъ въ качествѣ яснаго свидѣтельства о томъ, что уважаемый учитель нашъ не чуждъ и самъ порицаемой имъ въ другомъ мѣстѣ склонности объяснять и оправдывать принятіе церковью нѣкоторыхъ основаній для развода аналогіей ихъ съ естественною смертью или прелюбодѣяніемъ.

припомнить, наконецъ, что еще Оригенъ—и, безъ сомнѣнія, не онъ одинъ въ свое время—задавался вопросомъ о томъ, не слѣдуетъ ли, въ виду дозволенности развода по прелюбодѣянiю, считать его не запрещеннымъ и тогда, когда однимъ изъ супруговъ совершенъ проступокъ „хуже прелюбодѣянiя и любодѣянiя“ ¹⁾, то передъ нами будетъ на лицо вся совокупность тѣхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ христіанско-церковная мысль издревле старалась перекинуть необходимый соединительный мостъ между строгостью евангельской нравственной заповѣди о разводѣ и практическою невозможностью ея строго послѣдовательнаго буквального примѣненiя. Въ результатъ получилось признанiе и оправданiе дозволенности прекращенiя брака, кромѣ смерти и прелюбодѣянiя, по цѣлому ряду другихъ причинъ, исчерпывающаго перечня которыхъ мы напрасно стали бы, однако, искать въ произведенiяхъ древне-христіанскихъ писателей и во вселенско-церковныхъ канонахъ. И это вполне понятно:

---

¹⁾ См. выше, стр. 110. Въ приведенныхъ здѣсь сужденiяхъ, обнаруживающихъ тенденцію придать такъ квалифицируемымъ проступкамъ значенiе бракоразводныхъ поводовъ, изслѣдователями не безъ основанiя усматривается „видимое влiяніе свѣтскаго римскаго права“ (проф. Загоровскій, цит. соч., стр. 67). Интересную параллель къ цит. свидѣтельству, отражающему въ себѣ взглядъ на этотъ предметъ знаменитѣйшаго представителя древне-христіанской мысли, даетъ св. *Лустинъ муч.*, рассказывая (въ Апол. II, гл. 2) о древнѣйшемъ, извѣстномъ намъ, случаѣ развода въ христіанской средѣ: „Одна женщина имѣла у себя распутнаго мужа и сама была прежде распутною. Когда же она познала ученiе Христово, то и сама обратилась къ доброй жизни и старалась убѣдить къ тому же мужа своего, излагая ему ученiе и внушая, что для тѣхъ, которые живутъ не цѣломудренно и не согласно съ здравымъ разумомъ, будетъ мученiе въ вѣчномъ огнѣ. Но мужъ продолжалъ тѣ же распутства и своими поступками отчуждлнлъ отъ себя жену. И она, почитая нечестiемъ далѣе раздѣлять ложе съ такимъ мужемъ, который противъ закона природы и справедливости *всячески изыскивалъ средства къ удовлетворенiю похоти*, захотѣла развестись съ нимъ; но, уваживъ совѣты своихъ, которые *убѣждали ее потерпѣть еще, въ надеждѣ, что мужъ когда-нибудь перемѣнится*, принудила себя остаться. Когда же мужъ ея отправился въ Александрію и сдѣлалось извѣстнымъ, что тамъ онъ *вдался въ дѣла еще худшія*, тогда она, чтобы оставаясь въ супружествѣ и раздѣляя съ нимъ столъ и ложе, не сдѣлаться участницею его непотребствъ и нечестiя, *дала ему такъ называемый разводъ* и удалилась отъ него“. (Соч. св. Густина филос. и муч., цит. р. перев. стр. 106).

въ данномъ случаѣ церкви и ея представителямъ приходилось дѣйствовать не въ направленіи раскрытія своего собственного руководящаго принципа, а отыскивать мѣру допустимой снисходительности къ силѣ укоренившагося обычая, излишне поощряемаго тогдашними нормами гражданско-бракоразводнаго права. Задача, подлежащая разрѣшенію, заключалась въ оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ, признанныхъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ, основаній развода, которыя надлежало принять или отвергнуть, высказываясь по поводу ихъ въ зависимости отъ частныхъ явленій жизни и въ связи съ обстоятельствами, вызывавшими потребность въ такого рода разъясненіяхъ. Ограниченія послѣдней, естественно, не идутъ дальше евангельской нормы въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ опытами библейской экзегезы или нравственнаго назиданія; но въ области церковно-дисциплинарной уступчивость требованіямъ жизни, разнообразясь по индивидуальнымъ особенностямъ лицъ и отношеній, долгое время не имѣла строго опредѣленныхъ устойчивыхъ границъ, простираясь иногда до того, что разводъ *ἐνεχέν τινος προφάσεως*, не только изъ-за прелюбодѣянія и блуда, но и вообще *κατῆς αἰτίας*, признавался не подпадающимъ подъ осужденіе „божественнаго слова“ ¹⁾.

¹⁾ *Св. Епифанія кипр.* Haeres. 59, с. 4.—*Migne Patr. gr. t. XLI, col. 1024—1025.* Та же уступка требованіямъ жизни сказалась и въ отношеніи къ вопросу о правѣ разведенныхъ супруговъ вступать въ новый бракъ. Вопросъ этотъ, на который нѣтъ прямого и устраниющаго всякіе споры отвѣта въ новозавѣтно-библейскихъ писаніяхъ, не одинаково рѣшался, по этому, руководителями древне-христіанской мысли и жизни. Одни изъ нихъ—большинство—по мотивамъ, ранѣе указаннымъ, склонны были считать бракъ послѣ развода недозволительнымъ даже для невиновной стороны, пока другая остается въ живыхъ; поступать иначе казалось для нихъ равносплннымъ прелюбодѣянію (наиболѣе полный сводъ и обзоръ свидѣтельствъ изъ II—IV вв., говорящихъ объ этомъ, см. у *E. v. Mou, o. c., S. 11—45*). Но наряду съ этимъ, едва-ли уступая первому въ древности, существовало другое направленіе въ рѣшеніи того же вопроса: по словамъ Оригена (который самъ лично держался болѣе строгихъ воззрѣній на этотъ предметъ,—см. его *Comment. in Rom. l. VI, c. 7.*—*Migne, Patr. gr. t. XIV, col. 1070*), нѣкоторые церковные предстоятели его времени, *παρὰ τὸ γευραμένον μὲν ποιοῦτες*, позволяли женѣ выходить замужъ при живомъ (разведенномъ) мужѣ, оправдываясь необходимостью снисхожденія къ человеческой слабости (*Comm. in Matth. t. XIV, c. 23.*—*Migne, Patr. gr. t. XIII,*

col. 1245). Та же самая двойственность замѣчается и въ опредѣленіяхъ древнихъ церковныхъ соборовъ, то запрещающихъ вступленіе въ новый бракъ послѣ развода для обоихъ супруговъ (8-е пр. XI каре. соб. 407 г., соотвѣтств. 115 кан. каре. соб. по нашей „книгѣ правилъ“), то разрѣшающихъ его, по крайней мѣрѣ, для мужа, расторгнушаго бракъ съ женой—прелюбодѣйкой (10-е пр. арльск. соб.,—см. выше, стр. 106). Съ теченіемъ времени становится все болѣе замѣтнымъ различіе въ данномъ отношеніи между западной и восточной половинами христіанскаго міра. Въ первой, подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, идей блаж. Августина, постепенно складывается и окончательно закрѣпляется опредѣленіемъ тридентскаго собора ученіе о нерасторжимости брака, *quod vinculum*, даже въ случаѣ прелюбодѣянна и о дозволительности при этомъ, какъ и при нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ, разрушающихъ нормальный строй супружеской жизни, лишь *разлученія* супруговъ *a toto et mensa* (G. Phillips, *Lehrbuch des Kirchenrechts*, 2-е Abth., S. 1122—1129, Regensburg 1862). На христіанскомъ востокѣ, напротивъ, разумное снисхожденіе къ человѣческой немощи взяло перевѣсъ надъ требованіями доктринерской прямолинейности—и вступленіе въ новый бракъ, послѣ развода, для невиновной стороны безпрепятственно было допущено въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ и по прекращеніи брака смертью одного изъ супруговъ. Менѣе снисходительно, какъ и слѣдовало ожидать, судила церковная власть о сторонѣ, подававшей законный поводъ къ расторженію супружества, въ особенности—когда дѣло касалось разводовъ по прелюбодѣянню. Но даже и въ этомъ случаѣ принятое до послѣдняго времени въ положительномъ правѣ нашей церкви (Уст. Дух. Консисист. ст. 253) осужденіе виновнаго супруга на всегдашнее безбрачіе далеко не всѣми учеными специалистами признается имѣющимъ за собою твердое каноническое основаніе и опирающимся на указанія закона и практики древней восточной церкви (см. указ. раньше „Мнѣній и отзывовъ“ стр. 39—53, 91, 94 и др.).

И. Громогласовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
